

РУСКІЕ

ВЪ СВОИХЪ

ПОСЛОВИЦАХЪ.

РАЗСУЖДЕНІЯ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ О РУСКИХЪ ПОСЛОВИЦАХЪ И ПОГОВОРКАХЪ.

И. Снегирева.

~~~~~  
КНИЖКА П.  
~~~~~

Старинная пословица не мимо молвится.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1 8 3 1.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представ-
лены были въ Цензурный Комитетъ три
экземпляра. Москва, 1831 года Іюля 12 дня.

*Заслуженный Профессоръ, Цензоръ, Стат-
скій Совѣтникъ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.*

О ПОСЛОВИЦАХЪ РУСКИХЪ.

О Т Д Ъ Л Е Н І Е I

Антропологическія.

А. Касающіяся до естественныхъ причинъ различія народовъ.

Народность при единствѣ человѣчества имѣетъ свои оплотившійся черты, столь глубоко проведенныя природой и духомъ народнымъ въ нравахъ, обычаяхъ, повѣрьяхъ и языкѣ, что хотя многое въ теченіи времени и измѣняется, но всегда нѣчто остается неизмѣннымъ. Не останавливаясь на общемъ сходствѣ и сродствѣ народовъ, обратимся къ различіямъ въ Рускомъ народѣ, который въ своихъ поговоркахъ и пословицахъ высказываетъ самъ себя живѣе и сильнѣе, нежели всѣ описанія постороннихъ наблюдателей; ибо въ

нихъ онъ говоришь о своемъ климатѣ, о любимой и сродной ему пищѣ, о естественныхъ и нравственныхъ наклонностяхъ, происходящихъ отъ его племени и воспитанія — говоришь о нравахъ и нравственности своей. Но какъ всѣ сіи обстоятельство вмѣстѣ съ другими составляютъ внѣшнія и внутреннія причины различія народовъ, болѣе или менѣе отъ человека зависящія: то мы и постараемся рассмотреть сіи причины особенно и въ связи съ другими, подтверждая ихъ самыми словами и дѣйствіями Рускаго народа.

О климатѣ Россіи поже можно сказать, что нѣкогда Римляне говорили о древней Германіи, гдѣ въ лѣсахъ тогда жилали сѣверные олени, гдѣ почти такой же былъ холодъ, какъ въ Сибири: „въ ней,“ „тому только хорошо, кто тамъ родился.“ Нынешняя Россія имѣетъ въ себѣ почти всѣ климаты подъ разными своими полосами, на коихъ равнины сменяются горами, суша водою, жаръ холодомъ, сухость

сыростию, такъ что когда въ одномъ мѣсцѣ сѣютъ, тогда въ другомъ хлѣбъ поспѣваетъ, когда на Сѣверѣ Россіи снѣгъ еще лежишь на землѣ, на Югѣ луга зеленѣютъ. Климатъ же древней Россіи, еще не столь просторной, въ Сѣверной ея полосѣ былъ замѣчательнѣе своимъ холодомъ, который крѣпиль и молодиль Рускаго человѣка, или какъ говоришь одинъ стихъ, сдѣлавшійся пословицей: *Въ зимній холодъ всякой молодъ*. Такъ какъ *Морозъ не великъ, а стоять не велитъ*: что что мужику дѣется, бѣжитъ да ерѣтся. По замѣчанію проспаго народа, обратившемуся въ присловіе: съ *Петра Авонскаго* (12 Іюня) *солнце поворачиваетъ на зиму, а лѣто на жары*, а съ *Спиридона содоноворота* (12 Дек.) *солнце поворачиваетъ на лѣто, а зима на морозъ*. Кому не извѣстны морозы *Рождественскіе*, *Крещенскіе* (Водокрещи), *Аванасьевскіе*, *Срътенскіе*, *Власьевскіе*? Умножилъ Богъ лѣто мухами, по пословицѣ, а зиму морозами. Въ Россіи *Зима и лѣто* союзу нѣтъ: по сему крестьянинъ почти не снимаетъ *кожуха* (шубы) до *Св. Духа* п. е.

до Духова дня. По причинѣ часпой сѣни снѣга грязью, говорящъ: *Осень на плёгой кобылкѣ ѣздитъ*. По благораспорядкѣ воздуха, весна слыветъ у насъ красною, а лѣшю *страдаю* и *страдаю порою* по тяжкимъ работамъ полевымъ; *Лѣто собираюха, а зима прибираюха*, ш. е. что лѣшюмъ воздѣлывается, собираетъ, шю зимою обработывается и пошребляется. Зимній путь въ сшарину назывался *груднымъ*, по коему ошвозящъ хлѣбъ и надѣля на продажу въ города. Зимнею порою крестьянинъ плашину за цѣлый годъ барскіе обраки и государственнымъ подаши, принашаетъ для себя и для своего сѣмейства плашье и обувь, для домашняго бышу всякую посуду, а для полевыхъ работъ сбрую. Климашъ много дѣйствуетъ на свойства народа, но вѣра, правленіе и воспитаніе еще болѣе. см. 3 часть сей книги.

Благотѣльная природа надѣлила каждый климашъ свойственными ему произведеніями, кои соотвѣтствуютъ шѣтвенію жишелей. Пища у Рускихъ прос-

шая, грубая и сыпная, сродная ихъ холодному климату и крѣпкому желудку; она болѣе расщипельная, мучнистая, чѣмъ живошная, какъ у Англичанъ, живущихъ подъ влажными шуманами. Коренное, главное яшвіе, кошорое служить у насъ знаменіемъ гостепріимства, ешь *хлѣбъ и соль* — по старой пословицѣ: *Хлѣбъ, да вода крестьянская пѣда* (а) — *Съ чего жъ челоуѣкъ сытъ и крѣпокъ, какъ не съ хлѣба* — говоришь проспой народъ, кошорый спараешся по сему давая младамъ хлѣбъ какъ можно ранѣе, не боясь золошухи; выбрабашывая себѣ и позывъ на пишу и сонъ, онъ вѣришь, что *Хлѣбъ спитъ* и что надобно *работать до поту и псть до сыта*. Рускіе едва ли не болѣе всѣхъ Европейскихъ народовъ любящъ соль, кошорая

(а) Хлѣбъ называется также *житомъ*, по Греч. *Σίτος*, сходное съ Рускимъ сыпной и Лашии. *satyr*. Планий сш. свидѣтельствуемъ, Н. Н. XXXI. 7, *Veteres salem cum pane esitasse proverbio adparet*. Кашонъ de lib. ed. *Cum cibos et potionem bvas et papes vedent; matrem matam, patrem param*.

почишаешся за одно изъ средствъ разводящихъ и возбуждающихъ аппетитъ. Они крушо на крушо соляшъ толстые ломши ржаного хлѣба, коимъ однимъ часто и питающся въ дорогѣ и на работѣ, или дѣлающъ изъ него шюрю съ лукомъ, квасомъ или водою и коноплянымъ масломъ (b). Всякой бѣлый хлѣбъ въ народѣ слыветъ *калачемъ* и естъ для него лакомство, а не пища сыпная; ибо, по старой поговоркѣ: *Съ калача сытъ не будешь* — *Калачъ скоро приѣстся, а хлѣбъ никогда*. Главная и привычная ѣда въ домашнемъ быту суровыя щи (шпи), изъ рубленой, кислой, сѣрой капусты, по большей части, пустыя, зашерпыя мукою, въ мясо съ забѣленныя молокомъ или смеша-

(b) Чшо ѣли монахи Симонова монастыря и върнопотоме простой народъ въ XV вѣкѣ, изображаетъ намъ ученикъ Максима Грека Зиновій шакъ: „Брашно хлѣбъ овсянъ невѣднъ, или класы „ржаные шолчены и шаковыя хлѣбы сухи „безъ соли; пишиѣ же вода и вареніе пшѣицихъ капустиное листвіе; прениѣющіи же въ „нихъ, аще зеліе, имѣють свеклу и рѣпу; „овощи же имъ рябина и калина.“

ною, а въ постѣ, съ коноплянымъ масломъ или сокомъ; щи, по пословицѣ, *капустою пригожи, а солю укусны*. Въ большіе шолько праздники, когда обрекаются убивашь скошину, какъ *моленой, пльтой кусъ*, щи варятся съ мясомъ, (съ убойнкою), которое *поминаютъ на великъ день*, ш. е. на Пасху, Успенье и Рождество. Щи, какъ любимое кушанье, служить иногда признакомъ хозяйства и правомъ собственности, въ коей предоспавляеися хозяину воля, напр: *Хоть щей горшокъ, да самъ большой, или Для щей люди женятся*. Другое кушанье — *каша*, какъ называютъ ее простолюдины, *мать наша*. У нихъ *щи и каша* соспавляющъ весь сыпной обѣдъ, который въ праздникъ *красенъ пирогами*, какъ *рѣка берегами*. Свойства Рускаго спола избражающа слѣдующею поговоркой: *Гореленько, пекленько, солоненько, укусненько, холодненько, кисленько*. Къ воздержанію, а вмѣстѣ съ нимъ и къ предохраненію себя отъ болѣзней приучаютъ Рускаго чепыре въ году поста, предписывающихъ наблю-

дашь время, количество и качество пищи, среда и пшница, а у набожнѣйшихъ и понедѣльникъ; посему и говоришь пословицей: *Полдуба сухаго, полдуба сыраго, да макушка золотая*, ш. с. половина года посшъ, половина года мясоѣдъ, да сверху Св. Недѣля. По изконной привычкѣ Славяно-Руссовъ къ рѣкамъ и озерамъ, близъ коихъ селились, они любили рыбу, какою хвалился Россія. Въ Великій Постъ главное кушанье составляюшъ грибы, споль тяжелое для слабаго желудка, что иносшранцы почишаюшъ оное ядовитымъ; но у Рускаго въ постъ: *Семеры лства, а все грибы*. Пощеніемъ соошечесшвенники наши превосходяшъ чужеземцевъ, почишая постны необходимыми для спасенія души и для сохраненія здоревья. Гнушаясь обычаями Ташаръ, они говаривали пословицей: *Татарекому мясоѣду нтъ конца*; о Римско-Каполицкомъ же постѣ: *Литовскій постъ, что Немецкій постъ* ш. с. корошохъ. Иносшранные нушесшвенники въ нашемъ ошечесшвѣ ХVІІ вѣка удивлялись воздержанію Рускихъ воиновъ, копорые въ продолжительныхъ

пятигоспныхъ походахъ пишались однимъ шолокномъ, разводя его на водѣ; попому что *толокно*, по старой пословицѣ, *скорое кушанье: замеси, да и въ ротъ понеси*. Въ нѣкоторыхъ Губерніяхъ, особливо Вологодской, Коспромской и другихъ, шолокно составляетъ любимое у просмолодиновъ кушанье, по коему и прозываются они *толоконниками*, шакъ какъ гуща у Новгородцевъ, сльвущихъ *гущепдами*. Изъ овсяной муки варится кисель, которій вмѣстѣ съ брагою составляетъ для крестьянина домашнее благо: *То и благо, что кисель, да брага*. По его словамъ, *Киселемъ брюха не испортишь, Кисель зубамъ не порча*. Брага, или пиво, а гдѣ есть пчельники, шамъ и медъ варится къ празднику, къ свадьбѣ, родинамъ и похоронамъ. Въ Коспромской Губерніи къ Святой Недѣлѣ варятъ шакъ называемое *Кузмодемьяновское*, или *моленое пиво* брашчиной и сошедшихъ въ одну избу, сливаютъ его въ латунь (боченокъ), пещомъ при зажженныхъ предъ образами свѣчахъ помоясь, выпиваютъ за лю-

не опягчая плѣла налинными соками, даешъ ему силы перенести тяжестя трудовъ на полѣ жатвы и бытвы, зной, холодъ и голодъ. Въ походахъ и въ поспы онъ можешъ по нѣскольку дней оснаваться безъ пищи. Хоща онъ и вѣришъ, что *паръ костей не ломитъ*; однакожъ, не боясь проснуды, съ шеплой печи босой ходишъ на морозъ, или изъ бани нагой бросаешся прямо въ снѣгъ, по лодышки ходишъ въ водѣ, иногда спишъ на сырой землѣ, испытываешъ пору сянiя, лежа въ шѣлѣмъ въ вырытую яму и если земля тепла, начинаешъ благословлять посѣвъ. Еслибъ пьянство иногда и другіе смежныя съ нимъ пороки не измождали его силъ болѣе, чѣмъ самыя работы, какія едва ли могушъ вынести другіе Европейцы: то каждый бы Рускій по природѣ своей былъ богатырь и земля была ему прямою матерью и кормилицей.

Какая проснута въ пищу Рускаго, шакъ и въ его жилищѣ: бревенчатая, или брусная изба, по большей части, черная,

Курная съ клешью, ш. е. холоднымъ покоемъ;
 съ ширема окнами, изъ коихъ два волоковыя,
 одно среднее слывешъ краснымъ и косяще-
 тымъ. Сыпосшь, уюшносшь и сѣмьейной
 покой предпочитающся красивоспи и про-
 спору жилища: *Не красна изба углами,
 да красна пирогами, Лучше жить въ
 тѣснотѣ, чѣмъ въ обидѣ* — и живущъ
 Рускіе крестьяне, какъ за полѣвка жива-
 ли и горожане, всей сѣмьей въ одной избѣ,
 въ коей на зиму помѣщался и скотъ. За не-
 имѣніемъ особой бани служилъ лазнею (ба-
 нею) печь, кошорая часшо спасала отъ хо-
 леры и кошорая шакже по благошворному
 дѣйствію своему слывешъ матерью, пола-
 ши замѣняющъ андресолн и поспели.
 Въ шакомъ быпу все соединялось предъ
 глазами хозяина, кошорому, по старой
 пословицѣ, и *стѣны въ домѣ помогаютъ*.

По свидѣтельству иносшранныхъ исто-
 риковъ, Славяне искони живши среди наро-
 довъ воинственныхъ и шорговыхъ, подобно
 древнимъ Грекамъ и Римлянамъ, преимуще-
 ственно занимались скошководствомъ и земле-

дѣліемъ — главными источниками народнаго продовольствія. *Кто станетъ пахать, тотъ будетъ богатъ. Не будетъ пахатника, не будетъ и бархатника.* Богатство и сила Россіи въ землѣ, которая даетъ своему земляку хлѣбъ для питанія себя, желѣзо и мѣдь для защищенія и употребленія, лѣсъ для согреванія и строенія, кормитъ и скопитъ его, или какъ онъ называется *животъ, животинку*, которыя составляютъ его имущество, такъ какъ у древнихъ Римлянъ и другихъ первобытныхъ племенъ. *Хлѣбъ да животъ и безъ денегъ живётъ.*

Могучество, храбрость и стойкость Рускаго познаешь не только въ битвахъ и въ работахъ, но и въ любимой его забавѣ — кулачныхъ бояхъ, борьбахъ, играхъ, игрушкахъ, игрищахъ, въ коихъ обнаруживается воинственный духъ Рускаго народа. Древнія его *иеры*, по звуку и предмету сходны съ Греческими *ѳура* священными плясками, кои совершались въ Церериныхъ таинствахъ. *Нерушками* также назывались родъ ры-

царскихъ попѣхъ или каруселей, въ ка-
кихъ нерѣдко участвовали и самые Князья
наши. Въ Троицк. Лѣтоп. подъ 1390 г. за-
мѣчено, что „тое зимы, по Рождествѣ
„Хрисповѣ, на прешій день Осей корми-
„личичъ Князя Великаго поколошъ былъ
„на Коломнѣ въ игрушкѣ.“ Но пословица
гласитъ, что *тѣмъ не играютъ, отъ
чего умираютъ*. Пётръ I пишетъ 1708
года предъ Полтавскою битвою: „Вѣдаю,
„что сія игрушка меня не минетъ.“—Кому
не извѣстна сшаринная похвальба кулач-
ныхъ боевъ: *Наша взяла и рыло въ крови*,
такъ какъ и сшарый уставъ оныхъ, вошед-
шій въ пословицу и въ Указъ Петра II:
Лежачаго не бьютъ. Обычай *силки отеп-
дать, силкою помѣряться* велся не только
между чернью, но и между знашными людь-
ми. Въ Костромской Губерніи бойцы раз-
дѣлялись на двѣ стороны: *Дебрянъ*, копо-
рые жили въ части города расположен-
ной по нижнему берегу Волги, и *Сулянъ*
на Суль, небольшомъ ручьѣ, нынѣ зава-
леннымъ и заспроенномъ. Бои бывали на
Молошной горѣ, къ Волгѣ, на томъ мѣстѣ,
Книжка II. Б

гдѣ мынѣ перевозъ, и начинались, жодобно какъ въ Калугѣ и Тулѣ, ребяшами, пошомъ женашыми, наконецъ дѣлались общими — шли *стѣна на стѣну*. Въ войну Россіи съ двадцатью однимъ народомъ часно дубины и цѣпы брали верхъ надъ огнеспрѣльнымъ оружіемъ, оправдывая сшаривную поговорку: *У кого pistols, а у насъ дубинки Хрістовы*.

В. Касающіяся до нравственныхъ причинъ.

Когда еще не введено было въ Россію разныхъ свѣтъ воспитанія, дѣти получали оное въ семейномъ кругу, служившемъ для нихъ училищемъ: правила и обычаи предковъ и руководство родителей были основною воспитанія, болѣе физическаго и нравственнаго, чѣмъ умственнаго, коего суровосшь нерѣдко пресpirалась до суровосши, какъ можно судить по старой поговоркѣ: *Кому Богъ дастъ сыновей, не лнясь, учи ихъ и бей*. Воспитаніе дѣшей для отца и матери было обязанностью: *Умный дитя родить, умный и научить*. Средствами онаго были не одна жестокосшь, но и ласка и стыдъ: *Хорошо есть и гроза, или дѣтей наказывай стыдомъ, а не грозою и бичемъ*. При воспитаніи, согласномъ съ климатомъ, обычаями отеческими и вѣрью, суровосшь родителей приучала юношей къ повиновенію и терпѣливосши, пристрастна къ умѣренносши въ жизни, а здравый смыслъ

къ полезному употребленію силъ душевныхъ и плѣсныхъ; но воспитаніе, прошивное симъ основаніямъ, во многомъ измѣняетъ народъ, прививая къ нему легкомысліе въ подражаніи чуждому, непрочнось въ познаніи, такъ что говоря Рускою половицей, онъ *отъ одного берега отстанетъ, а къ другому не пристанетъ*. Дѣши живши умомъ и благословеніемъ родителей своихъ, удалялись отъ дурныхъ примѣровъ; ибо *дѣтлѣмъ не порѣа иерушка, а порѣа худая прислужка*; ибо *Каковы едѣ дядьки, таковы и дѣтлѣтки*.

Простота въ жизни, умѣренность въ желаніяхъ, воздержаніе въ спрастїяхъ и преданность судьбѣ своей надѣляли Рускаго шѣмъ спокойствіемъ и спойкою духа, коимъ позавидовали бы и Спойки; такъ что онъ не унываетъ въ напастѣи, говоря: *Подумаешь, горе; а раздумаешь, будь воля Божья! — или Голенькой охъ, а за голенькимъ Богъ*. О счастьи думаетъ; что оно свыше дается: *Щастливому таланъ отъ Бога данъ; что оно должно быть другимъ не вредно: Щастливымъ быть никому не досадитъ*;

что оно должно управляться умомъ ; ибо *Щастіе безъ ума нигдо* и что оно *многихъ обманываетъ* — и пошому: *Щастью не вѣрь , и отъ бѣднаго не затворяй дверь.*

По тѣсной связи чувства слуха съ душою, душа и сердце Рускаго живо и сильно выражающія въ его пѣсняхъ. У Рускаго *Пѣсня была, а сказка складка.* Онъ поетъ и въ печали, и въ радости: въ одной — пѣсни его заунывны и унылы, а въ другой веселы, пушилы, игривы. По его поговоркѣ, *жить весело значить жить припѣваючи.* „У насъ — говоритъ Бапюшковъ, въ пѣсняхъ дышетъ нѣжность, краснорѣчіе сердца; въ нихъ видна сія задумчивость, тихая и глубокая, которая даетъ неизъяснимую прелесть и самымъ грубымъ произведеніямъ Сѣверной музы.“⁶ Всѣ важнѣйшія общолюдскія жизни выражающіяся пѣснями, кои суть святочные, свадебныя, хороводныя, и ш. д. Онъ могущъ почестъся словесными дѣлописями, опголоскомъ древнихъ преданій; подобно пословицамъ, изображающъ духъ Рускаго

народа. Посему не удивительно, что у Кишайцевъ книга *Кусефонеъ*, или нравы Государства, содержишь въ себѣ *пѣсни народныхъ*. Императоры Кишайскіе при обозрѣніи Государства собирали оныя, дабы удобнѣе судить о народныхъ правахъ и обычаяхъ, о добродѣтеляхъ и порокахъ каждой страны (е). Также Карлъ Великій, для просвѣщенія своихъ народовъ, повелѣлъ собрать всѣ народные пѣсни историческаго содержанія. Если, по опредѣленію старинной пословицы, *пѣсня была*: то и у насъ въ пѣсняхъ воспѣвались быліны стараго времени, какъ пѣснь о полку Игоревѣ, недошедшія до насъ были Баяна, Минуси. О последнемъ въ Волинской лѣтописи читаемъ слѣдующее: „Андрей же не „удоси его, но удоси Владыку и слуги „его гордые разграби, и шулы ихъ бѣбровые раздра и прибицѣ ихъ волчѣи и барсуковые раздрана быша (яко) словушного

(е) Академическія извѣстія на 1779 г. ч. 2.
С. II. 8.

„пѣвца Мишусу древле“ (d). Византійскіе писатели свидѣтельствуютъ намъ о nocturnомъ нападеніи Грековъ въ 592 г. на Славянъ, усмившихъ себя пѣснями. О прославленіи побѣды пѣсню свидѣтельствуютъ Вольфи. Лѣшопъ, чюю : „Даниль же прииде въ Визнѣ и преиде рѣку Наровъ, и многіа Хрістіаныхъ избависта, и пѣснь славу пояху има.“ Послѣ побѣды надъ Владиміромъ Рюриковичемъ въ XIII в. Ляхи шоржеспивовали оную пѣснями опщевъ своихъ. Споглавъ и посланія Священителей Россійскихъ упоминаютъ о языческихъ пѣсняхъ, пѣныхъ и въ Хрістіанствѣ и названныхъ бѣсовскими, сатанинскими, скверными. „Многодѣльное первое Хрістіанство наше — замѣчаетъ ученый Тредьяковскій, — хоща искоренило всѣ многобожныя служенія и пѣсенныя прославленія богамъ и богинямъ; однако съ пренебреженія, или за

(d) Карамз. И. Г. Р. IV. пр. 20. Встрѣчается въ Прологѣ и другихъ рукописяхъ глаг. *митишати*, прилаживашъ, прилажывашъ. Такъ напр: Пролога, 16 Ноеб. „Трасушъ руками и митишають ногами.“

„упраздненіями, не коснулось къ проспона-
 „роднымъ обыкновеніямъ: оставило ему за-
 „баву общихъ увеселительныхъ пѣсень, а
 „съ ними способъ изложенія стиховъ. Сіе
 „шочно и есть первородное и природное на-
 „ше стихосложеніе, пребывающее и доднесъ
 „въ проспонародныхъ, молодецкихъ и дру-
 „гихъ содержаній пѣсняхъ живо и цѣло.“
 Соглашая голосъ и пѣлодвиженія съ са-
 ными предметами и словами, Руской на-
 родъ сопровождаетъ пѣніе звуками сви-
 рѣли, рожка, балалайки, плясками и хоро-
 водами (колами).

Самый языкъ Славяно-Рускій своею звуч-
 ностію и плавностію, столь способенъ къ
 пѣнію и столь сроденъ съ мусикіею, что до-
 рожитъ складомъ въ рѣчи: *Складъ дороже
 пѣсни — Изъ пѣсни слова не выкинешь.*
 Съ внѣшнимъ благозвучіемъ въ складѣ его
 соединяется внутренняя его сила, гиб-
 косць, нѣжностъ, крашкосць при самомъ
 обиліи; ибо въ Россійскомъ словѣ заклю-
 чается сокровищница чувствій и мыслей,
 ближайшихъ къ истинѣ и природѣ и обо-
 гащенныхъ сближеніемъ съ языками Востока,

апада и Юга. Славяне именуя себя по
 лосу языкомъ, тѣмъ самымъ призна-
 али языкъ опличительнымъ признакомъ
 бытія своего и вмѣстѣ правилемъ чув-
 ственности; Руской говорятъ пословицей:
*Языкъ тѣлу якорь, или Языкъ малъ, да
 съ мѣ тѣломъ владѣетъ.* Какія же понятія
 усвоивались слову, видимъ изъ слѣдующихъ
 поговорокъ, въ коихъ гласны и свѣдѣнны на-
 роднымъ и кой составляющъ условный образъ
 выраженій цѣлаго племени: *Слово твердо,*
слово крѣпко, доброе слово, красное сло-
во. Лишнее слово досаду приноситъ,
а до стыда доводитъ. Сила слова выра-
 жается такъ: *Слово не стрѣла, а пуще*
стрѣлы, или Слово во время и кстати
сильнѣе письма и печати; искренность
 говорятъ: *Что на умъ, то и на языкъ.*
 Но ошибка въ словѣ не споръ, или не
 всяко лжи въ строку, а правда не мно-
 горѣчива, любя краткость и силу: на
 правду мало словъ.

Высшія и низшія способности такъ
 размѣщаются старою пословицей: *Па-*
Книжка II. В

мять въ тѣлѣ, мысль во лбу, а то
 тѣнѣ въ сердцѣ. Душа, по мнѣнію народа,
 виситъ на девяти крючкахъ (нервахъ?),
 съ коихъ при смерти человѣка она сплзаетъ
 посепенно. Дальновидность духа
 выражается въ слѣдующихъ словахъ: *Око
 видитъ далеко, а мысль еще дальше.* Ду-
 шею называется и совѣсть: *Обидитъ легко,
 да душитъ какво?* Сила мыслящая умъ, а по-
 знающая и смѣкающая разумъ; одна безъ
 содѣйствія другой не достигаетъ своей цѣ-
 ли, и когда умъ не соображается и не
 повѣряется опытомъ: тогда онъ выпа-
 даетъ въ заблужденіе и выходитъ, что
 умъ безъ разума бѣда. Дѣло ума есть
 дума; помыслъ или мысль, перешедшая
 въ волю, которая если соединена съ
 нерѣшимостью и заботою, слыветъ раз-
 думьемъ. Дума наша за горами, а
 смерть наша за плечами. Дума бы-
 ваетъ крѣпкая, раздумице великое.
 Но догадка лучше разума. Союзъ же ду-
 ховный и нравственный между людьми ясно
 изображается такъ: *Душа душу знаетъ
 и Сердце сердцу вѣсть подаетъ.*

Что Рускій и послѣ ошибки можетъ похвапиться и образумиться, о томъ говоришь его же пословица: *Рускій заднимъ момъ крѣпокъ*; о смышленности же его рашенсливости: *На мужикъ кафтанъ зипунъ) хотъ спръ, а умъ не кто съльъ*. Боша предки наши и признавали свободу ма, говоря: *Сила уму могила и Умъ иобитъ просторъ*; но шребовали шакке основашельности и зрѣлости его; ибо недозрѣлой умокъ, что весенній ледокъ, *Умъ хорошо, а два лучше—Умомъ торювать, а безъ ума горевать и На умъ находитъ всякій стихъ*. Они издавна не нуждались свѣша наукъ, какъ доказывающъ ишменные памяшники и шчарья пословицы: *Ученъ свѣтъ, а неученъ тьма — Ученъ атаманъ, а неученъ комаръ — Учись доброму, такъ худое на умъ не войдетъ*.

а) Пословицы, относящіяся къ язычеству, вѣрѣ и суевѣрію.

Одно изъ главнѣйшихъ и прочныхъ основаній нравственности въ жизни семейственной и гражданской, одна изъ важнѣйшихъ причинъ различія народовъ есть вѣра, коей знаніе у предковъ нашихъ составляло всю ученость. Древніе Славяне почитались набожнѣйшимъ народомъ въ Язычествѣ и благочестивѣйшимъ въ Хрістіанствѣ; хотя ихъ понятія о предметахъ Хрістіанства и соединены были съ ошибками Язычества, старобытными повѣрьями и суевѣріями.

Но прежде нежели разсмотримъ вліяніе Хрістіанской вѣры на Славяно-Русскихъ, сколько можно видѣть изъ пословицъ ихъ, коснемся слабыхъ отголосковъ языческой эпохи, кои повсюду были и среди ихъ Православія. Въ нравахъ и обычаяхъ, повѣрьяхъ, праздникахъ народныхъ и хороводахъ замѣчательно заимствованное и случайное сходство, по отношенію къ разнымъ эпохамъ, по съ древними Еллинскими и Римскими, по съ Азіатскими, по съ Готскими и Скандинавскими.

Время такъ измѣнило, пѣсни, изустныя преданія и пословицы Язычества Славяно-Руссовъ, что трудно съ достоверностію означить, какія изъ оныхъ языческія; нѣтъ болѣе, что нѣкоторыя изъ понятій языческихъ смѣшались съ Хрістіанскими по привычкѣ народа къ стародавнимъ повѣрьямъ. Предметъ прежняго благоговѣнія сдѣлался шемнымъ воспоминаніемъ въ пословицѣ, поговоркѣ, присказкѣ и брани; для язычника священный обрядъ обратился въ игру и пошѣху, шерпимую и въ Хрістіанствѣ, какъ привычная забава народная; обрядный хоръ, или таинственнае заклинаніе превратились въ народную пѣсню, или припѣчу, примѣненную къ другому предмету, въ коемъ коренный смыслъ измѣнился на посторонній, совершенно ему чуждый. Но первое, какъ сильнѣйшее, впечатлѣніе, осязаемое и въ просыпающихся слѣдахъ. Такъ просполюдины у насъ именуя св. иконы *богами*, а моленныя *божницами*, вѣрящъ, будто у всякаго есть свой свяшій (богъ), особенно ему покровительствующій; оиъ чего и ведется между народомъ поговорка:

Что тому Богу молиться, которой не милуетъ! Деньги не боги, да много милуютъ. Самое присловіе *дай Богъ* сходно съ именемъ одного изъ семи Кіевскихъ боговъ, *Дажь-богомъ*. Уваженіе къ огню и водѣ, величаемымъ въ народныхъ поговоркахъ *Царемъ* и *Царицею*, шакъ какъ рѣки *матушкою*, или *батюшкою*, не естъ ли оспашокъ Славянской эпохи благоговѣнія къ стихіямъ?

Древняя вѣра Воспока въ судьбу (судьбину) или рокъ (спойческій и аспирологическій, Лашин. *fatum*, *мѡіра*, (міръ?)) замѣтна и въ Славяно - Рускомъ народѣ и нерѣдко смѣшивается съ предопредѣленіемъ, *судомъ Божиимъ*, предполагая въ мірѣ необходимость случающихся событій: *Чему быть, тому не миновать*, или *Таланъ не туманъ, не мимо идетъ* (е). Простолюдины вѣрашъ, что если кто уми-

(е) *Таланъ* въ смыслѣ бѣда, напасть, здосчасіе сходно съ Греч. *τάλαν*. Но *τάλαντον* — вѣсь, дары судьбы, а по изобразительному языку Еллады, судьба. У Гомера (II. VIII, 69.) Зевсъ взвѣшиваетъ судьбу смертныхъ на вѣсахъ.

заепѣ насильственною смертію, тому на
 роду такъ написано — Рокъ головы
 ищетъ — У притчи на конь не уйти.
 „Безъ року смершнаго“ — сказалъ Вассіанъ
 Царю Іоанну Васил. — „нѣтъ ни человѣка,
 „ни пшцы, ни звѣря.“ По изрѣченію пѣвца
 Игорева похода: „Ни хытру, ни горазду суда
 „Божія не минуши.“ О брачномъ союзѣ,
 кошорый подобно смерши, слывешъ судь-
 бою, говоряшъ, что *Суженаго и на конь*
не объѣдешъ, что *Судьба придетъ*, *руки*
назадъ привяжетъ, что *Кому на комъ*
жениться, тотъ въ (для) того и родится.
 Изъ сего источника произошли гаданья и
 жеребьи: *Кому вынется, тому и сбудет-*
ся, не минуется. Опѣ смѣшенія языческихъ
 повѣрьевъ съ Хрістіанскими понятіями ро-
 дились прошиворѣчуція первымъ послови-
 цы и поговорки, а опѣ послѣднихъ вѣра;
 что *все въ міръ творится не нашимъ*
умомъ, а Божиимъ судомъ. Мысль о рокѣ
 языческомъ замѣнилась чистѣйшимъ поня-
 тіемъ о предопредѣленіи или волѣ Божіей.

Слово *ладъ*, *ладо*, *лада*, встрѣчаю-
 щееся въ поговоркахъ, означаетъ строй-

нось, согласіе въ звукахъ мусикійскихъ, въ отношеніи къ людямъ союзъ, совѣтъ, любовь и дружбу, а у Англо-Саксовъ сіе общее съ Славянами слово *lada*, употребляемя въ смыслѣ закона и суда Божія (f). Ладо причисляемая къ божествамъ, какъ покровительница брачныхъ союзовъ, воспоминаемя въ пословицѣ: *Не надобно и кладъ, коли у мужа съ женою ладъ*. Если чиняшь у Несшора о бракахъ Древлянскихъ: *оумыхаху оу воды* (вмѣсто оуводы) *дъвица*: шо понятна будетъ сшарая поговорка: *Лады у воды*. Въ Подольской Губерніи около Межибожья поселяне на играхъ въ день Пасхи воспѣвають *Царевну Ладу*, а подъ Бересшьемъ Липовскимъ *Королевну Ладу*. Браннаяж поговорка: *ну те къ ладу*, не воспоминаемя ли Чешскаго Ладона (*Ladon*), Польскаго *Ljada* и приписываемаго Рускимъ Леда, бога войны, коему приносились въ жертву люди (g)? —

(f) *Manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis*. VI t. — Краткое обозрѣніе Миселогіи Славянъ Росс. II. Стресса. М. 1815.

(g) *Mythologie der alten Deutschen u. Slaven*, von H. Eßay. Znaim. 1827. 2 T. —

Проповѣдники Хрістіанской вѣры на Сѣверѣ Славяно - Германскомъ видя, что въ Туровѣ, или громовъ день (*Thorstag*, четвергъ) молишвы язычниковъ къ Тору, или Перуну, о дождѣ оспаютъ ищущими, спали говорить въ прищучу обо всемъ несбыточномъ: *Послѣ дожджика въ четверекъ* (h).

Къ понятіямъ языческимъ принадлежащія древніе боги, лѣшіе, полевые, водяные, домовые, кои въ пословицахъ и поговоркахъ, по большей части, называющія чертями и бѣсами. О водвореніи духовъ въ домахъ и урочищахъ свидѣтельствуютъ протонародныя поговорки: *Вселился чортъ въ боярской домъ—Упрямъ какъ Карамышевскій чортъ—У чорта на Кулишкахъ—Пишетъ какъ чортъ шестомъ по Неглинной—(о дурномъ пѣніи) Какъ лшій Перовскій зоветъ Куликовского въ гости къ родительской—Толкитесь бѣсы, да не въ нашемъ лѣсѣ—Вѣрь борода, а порука въ водѣ. Упоминаемаго въ поговоркахъ домового, или постына*

(h) Вѣстн. Евр. 1813. No 9 и 10. см. Саларева.

(поже у Фияновъ рајпајаінен, гнешущій) проспой народъ почишаешъ предвѣспникомъ счасія или несчасія, прибыли или убыли: тогда какъ онъ, по большей части, зависишъ ошъ игры воображенія, душевныхъ спрасшей, поврежденія, изобилія и худаго обращенія соковъ (i). Въ Нерехшѣ, при переходѣ на новоселье, хозяинъ съ хлѣбомъ и солью въ рукахъ, въ распворенныхъ дверяхъ новаго дома обращаетъ къ домовому слѣдующее слово: *Дѣдушка, милости просимъ съ нами на новое мѣсто!* (k). Наша чернь вѣришъ, чпо колдуны и вѣдьмы по злобѣ или въ наказаніе могушъ оборачивашъ людей въ разныхъ скошовъ. Между прочими поговорками о такихъ превращеніяхъ, коихъ примѣры находимъ у Овидія, ешъ слѣдующая: *Оборотнемъ медвѣдь, волкъ пастухомъ, а свинья огородникомъ не бываетъ.* Сюда жъ оп-

(i) Разсужденіе о домовомъ въ Дешевомъ подаркѣ суевѣрамъ, изд. Н. Щеголева. Владиміръ 1799. 12. — Абевега Руск. суевѣрій. М. 1786. 8.

(k) У Римл: domiducus и domiduca (Юнона). August. C. D. VI. 9.

носятся и приговоры, или заговоры, какъ по: *Куда ножъ, туда и сонъ — Этотъ бы приговоръ, да тебѣ во дворъ!* и ш. п. Понеже, по словамъ Псковск. Лѣтоп. г. 1570, „Рускіе люди прелестни и падки „на волхвованіе“; шо нерѣдко въ пословицахъ вспоминаешся ворожба, колдовство, какъ-шо: *какъ мертвою рукою обвести*, ш. е. приворожишь, привлечь къ себѣ. Преданія и судебныя дѣла свидѣтельствуютъ, что разбойники нашивали съ собою мершвую руку, коею обводили спящихъ, чшобы они не проснулись и не помѣшали грабншь. Въ Германіи и доселѣ ведется суевѣріе, по коему у висѣльниковъ обрѣзываютъ на рукахъ и ногахъ пальцы, носимые на счастье и для другихъ примѣтъ. Пословица *Богъ души не вынетъ, сама душа не выдетъ* противоположна жестокому и суевѣрному обычаю между нѣкоплыми опщепенцами: вынимашъ у шрудно-больныхъ душу, за коею будшо приходишь Архангелъ, замѣняемый у нихъ шакъ называемымъ насшавникомъ. Съ ешимъ сходенъ существовавшій обычай *перелабани-*

вать (полѣномъ по головѣ убивать за пиршесвомъ) спариковъ, выжившихъ изъ лѣтъ, для освобожденія ихъ отъ тягоспной жизни. Шутливая поговорка между чернью спарику: *Ты чужой вѣкъ живешь; тебя пора ужъ лобанить!* шакъ какъ и другая: *Старъ батяка, убилъ бы его, а умеръ батяка, купилъ бы его* — намекающъ о существованіи нѣкогда въ Россіи между какимъ нибудь шолкомъ безчеловѣчнаго сего заведенія, извѣснаго у дикихъ Американцевъ.

У древнихъ Грековъ и Римлянъ велось обыкновеніе въ концѣ Декабря гадать, по бѣлымъ или чернымъ бобамъ, въ избираштельное правленіе, кшо у нихъ будещъ преемникомъ правишелей Государства, а въ единодержавіе бобами избирали царей и царицъ пиршесства: чшо бывало и въ старой Франціи. Пиеагорова правило: *воздерживайся отъ бобовъ*, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, значило: не вмѣшивайся въ правленіе! Бобы издревле у Рускихъ употреблялись для гаданія; въ чемъ увѣряющъ слѣдующія половицы: *Чужую бѣду бобами разведу, а*

къ своей бѣдѣ ума не приложу—соотвѣтствующая Теренціевой: Facile omnes, cum valetus, recta consilia aegrotis datus, ш. е. пока мы здоровы, легко даемъ совѣты больнымъ; такъ же: *Киньте кто бобами, бѣдетъ ли за нами.* У Поляковъ szary bob, черный бобъ значить несчастье.

Переходъ Славяно-Руссовъ отъ Язычества къ Хрістіанству составляетъ между нѣмъ и другимъ конъ, за который нѣредко пересступали шаробышныя повѣрья, вѣзвычан (поконы), слившіеся съ нравами и обычаями народа. Благоговѣніе ихъ къ ложнымъ божествамъ, многочасно и многообразно, какъ въ шускломъ зеркалѣ, представлявшимъ единство Божества, перемѣнилось въ истинное благочестіе, при чемъ замѣнились одніе понятія другими; но слѣды привычныхъ мыслей ошались въ памяти и языкѣ народа. Изъ души, пишаемой высокими и умилишельными правилами Св. Вѣры, проповѣдующей любовь и самоотверженіе съ надеждою на Бога, происпекли многія народныя мысли о вѣрѣ и благочестіи, выраженыя въ крапкахъ, сильныхъ и вѣчнопамятныхъ посло-

видахъ ; онѣ все великое , праведное , доброе и прекрасное въ человѣчествѣ относили къ Богу, какъ своему источнику. Внутреніе чистой совѣсти именовалось гласомъ Творца : *Совѣсть добрая есть гласъ Божій*. Единомысліе въ общемъ мнѣніи слыло также гласомъ Божиимъ; ибо *Гласъ народа гласъ Божій*, или какъ говоряшъ Италіанцы согласно съ древними Греками : *L'universale non s'inganna*, ш. е. Всѣ люди вообще не обманываются. У предковъ нашихъ крѣпкое упованіе на сильную помощь и покровъ Бога произвело поговорку : *Руской Богъ великъ*, или какъ лѣтописецъ нашъ, изображая пораженіе Монголо-Татаръ, влагаетъ въ уста вождя ихъ Мамай слова : *Великъ Богъ Хрістіанскій!*

Вѣра Рускихъ въ премудрость , всемогущество и благость Промысла Божія, выражающія слѣдующими пословицами, еще невышедшими изъ употребленія: *Богъ все свое строитъ — Богъ старой художникъ — Умная голова, разбираетъ Божьи дѣла — Кто таковъ, какъ не Богъ — Богатъ Богъ милостью*. Въ упованіи на

правосудіе Творца, мздовоздаяшеля, оби-
 женный на судъ человѣческомъ, или при-
 шѣсенный сильною рукою, предавая дѣло
 свое Богу на судъ, упѣшался праощече-
 скими пословицами: *Сильная рука Богу*
судитъ — Люди съ лихоотью, а Богъ
съ милостію — Богъ видитъ, кто кого
обидитъ — Богъ долго ждетъ, да боль-
но бьетъ.

Сія упѣшительная надежда веда къ пре-
 данности и покорности Промыслу, о коихъ
 скажутъ намъ сами предки своими слова-
 ми: *На Бога положишься, не обложишь-*
ся — Богъ пристанетъ и пастыря при-
ставитъ — Богъ дастъ день, дастъ и
пищу — Богъ далъ животъ, Богъ дастъ
и здоровье — Богъ дастъ и въ окошко
подастъ. Но чѣобы сіе упованіе, ещѣль
 спасительное, не сближало съ крайности-
 ми — безпечноотью и нерадѣніемъ, ещѣль
 губительными для человѣка, предки наши
 ошперегали: *На Бога надѣйся, а самъ не*
плошай — Боже помози, а ты не боже,
не лежи — Богу молись, а къ бѣрезу ере-
бись — Молись, а злыхъ дѣлъ берегись;

(1) *М. Филарета Слова къ Моск. Пасхѣ. С. П. 1822. Ч. I. 8. — Трхона В. Сокровище духовное. С. П. 1784. 2 ч. 8.*
(m) *Поучиш. слова Преосв. Анастасія Братомовскаго. IV часни. М. 1814. 8.*

(т) Поучиш. слова Преосв. Анастасія Братановскаго. IV части. М. 1814. 8.

Простой народъ, у насъ, большею частію, неграмотный, научаетъ дѣшей своихъ благоправію и добродѣтели пословицами, близкими къ правиламъ св. Вѣры и преданіямъ православной Церкви. Прародищельскія слова, какъ наслѣдственные заповѣди, повпоряюшся и примѣняюшся попомками къ разнымъ обшющельсшвамъ жизни и чашю, по сшаринному обычаю, съ пожелаіемъ покойникамъ вѣчной памяши, именно шакъ: правду говаривалъ покойный дѣдушка, бапюшка и мапушка, царство небесное: *Хвала Бога, не погибнешь, а хула, не воскреснешь, или За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаетъ, или Молитъся впередъ пригодится, За Богомъ пойдешь, доброй путь найдешь.*

Увѣренность во всемогуществѣ и благосши Творца вселенной, неразлучная съ благоговѣйнымъ чувствіемъ истинной вѣры, у нашихъ предковъ имѣла сильное вліаніе на сѣмейный и гражданскій бытъ; у нихъ никакое дѣло не начиналось и не оканчивалось безъ Бога, и мѣсто и время

свящилось непоколебимымъ мнѣніемъ, что
безъ Бога ни до порога.

Благочестіе къ Богу изкони соединя-
 лось на Руси съ любовію къ родинѣ и съ уваже-
 ніемъ къ правленію; нерѣдко имя св. покрови-
 теля города или обласпи означало собою цѣ-
 лый народъ, права его и правленіе; въ свя-
 тынѣ заключалась и рѣдина: епо мы ви-
 димъ въ ошдѣльныхъ Государствахъ, по-
 брашавшихся между собою, Новгородъ и
 Псковъ и въ другихъ удѣльныхъ Княженіяхъ
 Россіи. Такимъ образомъ *Святая Софія*
 говорила въ вмѣсто Великаго Новгорода;
 ибо, по словамъ Новг. Лѣтоп. спр. 84:
 „Гдѣ Свяшная Софія, шамъ и Новгородъ“;
 а вмѣсто Пскова, *Святая Троица*. „По-
 ,шягнемъ, брашья (говоришъ Довманшъ
 Псковской дружинѣ), за Свяшную Троицу.“
 В. К. Іоаннъ далъ крѣпкое слово свое-
 му шурина, Тверскому Князю Михаилу
 Борисовичу: *не вступаться въ домъ Свя-
 таго Спаса*, ш. е. ушвердитъ независи-
 мость Тверскаго Княженія. Съ восклица-
 ніемъ *за домъ Пресвятыя Богородицы*
 (ш. е. за Большою Московскій Успенскій

Соборъ) сколько побѣдъ одержано Рускиими воинами! Такимъ образомъ Свящые покровишели Государства и города были представишелями оныхъ, равно какъ и цѣлыя приходы, погосшы и волости получали свое имя отъ церквей.

На благочесшіи къ Богу основывается преданность Рускихъ къ Государю своему, ушвердившаяся съ эпохи Единодержавія въ Россіи соединенной. По вѣрѣ народной, *Царь есть Богъ земной* и что ни дѣлаешся въ Государствѣ, все по власти Божіей и Государевой (п). Такія слова доказывающъ безпредѣльное повиновение Рускихъ къ своимъ Государямъ и уподобленіе ихъ воли власпи Божіей. Бывшій при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ посломъ Принцъ Буххавскій свидѣтельствуетъ, что „если кому изъ „Рускихъ пожелаешь добраго здоровья: по „на сіе отвѣчаешъ: „Дай Боже, чшобы „здравъ былъ Великій Государь нашъ, а за „нимъ и мы его подданные. Еслижъ спро-

(п) Примѣчанія Болтина на Исторію Россіи соч. Леклерка. С. II. 1788. т. 2. стр. 388.

„сишь у кого о чьемъ либо владѣніи: то
 „скажешъ: „Государево, да его.“ Въ наро-
 „дѣ говоришся, что „не знаешь, какъ и
 „подумаешь о своемъ Государѣ, Богъ и не
 „Богъ, человекъ и болѣе человека.“—Какое
 подобоспращіе и покорносшь имѣли дѣши
 къ опцу, шакое подданные къ Государю,
 починая Цареву волю за Божию; посему
 Государя именovali они *батюшкою* (*Госу-
 дарь-Батюшка, Надежа-Государь*), Госу-
 дарыню *Царицей-матушкою*, себя людь-
 ми *Божіими и Государевыми*, а соб-
 ственносшь свою *Божію и Государевую*,
 по извѣстному присловью: *все Божіе, да
 Государево*. О союзѣ душевномъ Царя съ
 народомъ гласишь старобышняя послови-
 ца: *Царь думаетъ, а народъ въдаетъ*.

Опъ нѣзѣжесшва родилось суевѣріе,
 кошорое занимаетъ средину между изувер-
 сшвомъ и вѣрою, а опъ превращаго и
 произвольнаго толкованія словъ Св. Пи-
 санія возникли расколы. И суевѣрія и ра-
 сколы часто выражающся и сохраняющ-
 ся въ поговоркахъ и пословицахъ, какъ
 любимой одеждѣ своей, въ коей мнѣніи

удобнѣе передающся и принимающся. Между разными примѣсами и повѣрьями, въ народѣ господствующими, донынѣ ведется, что *Кто прочтетъ всю Библию*; тотъ съ ума сойдетъ (о), или какъ говорятъ, *загиается*. Чуждаясь школьнаго ученія, шаровѣры въ Романо-Борисоглѣбскѣ прозываютъ оное *Шведскою* (ш. е. свѣтскою) *грамотою*.

Во многихъ мѣстахъ Россіи простой народъ вѣруя, что *матушка пятница* ентвается на тѣхъ, которые въ день ея *работаютъ*, празднуютъ пятницу. У Христіанщины жъ нарядивъ дѣвку, чествуютъ ее *Пятницею*. Послѣ Святой Недѣли бывають по городамъ, селамъ и деревнямъ шорги, кои извѣсны подъ именемъ *временныхъ пятницъ*: пошому, что они приходящся въ пятый день седмицы, олицетворенный суевѣріемъ (р). О непоспоян-

(о) Моск. Телегр. 1829, N. 13.

(р) Въ нашихъ свѣдѣніяхъ Св. Параскеву называють *пятницею* пошому, что у Евреевъ день пригосовленія (*Парабнгу*) къ субботѣ былъ

ствѣ и переменчивости говоришся: *на недѣль семь пятницъ*; что вѣроятно прежде значило: вся недѣля безъ дѣла, праздникъ.

У различныхъ шолковъ, или шакъ называемыхъ согласій, есть свои коренныя мнѣнія, обратившіяся въ поговорки. Двуперстное сложеніе шаровѣры, по свидѣтельству Митрополита Платона (q), ушверждающъ пословицей: *Якоже благословистесь, тако и креститесь. Духоборцы почиташъ Церковь не въ бревнахъ, а въ ребрахъ*, говоря: *Поклоняюся Христу немазанному, неписанному, а Христу животворному. Хлыщовщина, опчасши сходная съ бичующимися Западной Церкви, говоришъ: Себя хлыщу, Христа ищу*, и держась ложнаго и вреднаго мнѣнія о средствахъ примиренія съ Богомъ, учишъ, будшо

нентъ же, что у насъ пшеница, и по сказанію въ Чешьхъ мнѣн, Окш. 28. См. *Наставленіе правильно состязаться съ раскольниками*, соч. въ Рязан. Семин. М. 1825 г. 8.

(q) Его Крашкая Церковная Исторія. М. 1806: 2 ч. J. Moshemii Inst. Historiae Christ. Lips. 1783.

не соеръша, не умолишь, или Если не еръшитъ, такъ не о чемъ и молить, или Должно еръшитъ для того, чтобы не престанно молиться и каяться (г). Ещо же согласіе оправдываетъ свое незаконное сожитіе съ женщинами поговоркою: *Женатые еръшатъ, да не каются, а мы еръшимъ, да каемся*. Скопцы утверждающъ: *Коли себя скоплю, такъ рай себъ куплю*.

Наши лѣтописи, старобышныя законы и обычаи свидѣтельствуютъ о великомъ уваженіи Славяно - Руссовъ, въ Языческѣ и въ Хрістіанскѣ, къ волосамъ, слывущимъ *гестными и святыми*, и къ бородамъ; Рускіе, подобно Евреямъ, (s) клялись бородою, какъ свяшынею, и хранили ее, какъ знаменіе чести и сановиности. Князь Росшовскій, отрицаясь предъ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ ошъ переписки съ Польскимъ Королемъ, клялся, что *ему не видать своей бороды!* Шарообрядцы

(г) Его Розыскъ.

(s) Archaeologia Biblica J. Jahn. Viennae. 1814.

полагая образъ Божій въ бородѣ, а подобіе въ усахъ, утверждаютъ, что безъ бороды и въ рай не пустятъ. По свидѣтельству Коллинса, Рускіе болѣе вѣряютъ слову чело-
вѣка брадашаго, нежели кляшутъ безборода-
го; однакожь у нихъ есть пословица: *Вѣрь бородѣ, а порука въ водѣ*. Кому не извѣ-
стно, какое гоненіе было при Пётрѣ I за бороды, какъ крѣпко за нихъ стояли шаровѣры, повѣщая: *Ружь наши головы и не тронь наши бороды!* По свидѣтельству Св. Димитрія Ростовскаго, они го-
ворили: *Готовы главы наши за брады наши положить*; ибо бришь бороду, по ихъ мнѣнію, значило портить образъ Хри-
стовъ. Сколько жерствъ стоила сія преждевременная борьба съ предразсудка-
ми народными! — Уваженіе къ спаросши и шаршинству, столь похвальное въ Ру-
скомъ народѣ, ввело пословицу: *Гдѣ старья, тамъ и стѣтъя*, и было основаніемъ шол-
ка *Стариковщины*, или *Софонтьевщи-
ны* (1), кошорый шому и вѣруешъ, что

(1) Пращица. листъ 2 и Церк. Словарь И. Алек-
сеева. IV ч. М 1816.

спарики скажущъ, не входя въ разсмотрѣніе догматовъ ученія. Раскольники и спаровѣры вообще называютъ Православныхъ *суетными, щепотниками*, а по Никону Патриарху, исправившему книги церковныя, *Никоніанами*, говоря: *у насъ свой Богъ, а у Никоніанъ другой (и).*

Съ Петра I началось въ Россіи ношеніе париковъ и при Аннѣ Ивановнѣ вошло въ обыкновеніе, какъ видно изъ Кантемировыхъ сапиръ; тогда говорили: *Старикъ надѣлъ хоть и парикъ, а не будетъ Католикъ*, показывая тѣмъ, что парикъ не мѣшаетъ Православію. Рускіе изспари чувствовали отвращеніе отъ табаку, за нюханіе коего Синоглавомъ и древними устави присужалось строгое наказаніе; однакожь Преобразователь Россіи контрактомъ своимъ въ Лондонѣ 1698 г. о торговлѣ табакомъ въ Россіи, ввелъ употребленіе

(и) Письма изъ Малороссіи *А. Левшина*. Харк. 1816.

онаго между всѣми сословіями. Какъ тогда спарообрядцы гнушались , такъ и шеперь гнушаючися симъ зелиемъ , говоря пословицей : *Кто табакъ пьетъ , да куритъ , тотъ Святый Духъ изъ себя туритъ.* Также о другомъ предметѣ роскоши и сластолюбія, чаѣ и кофеѣ, болѣе закоснѣвшіе спаровѣры пвердяшъ : *Кто пьетъ чай, тотъ спасенія не чай , или Китайская стрѣла въ Россію вошла , въ крестьянскія сердца , сгубила всѣхъ до конца. Кто кофей пьетъ , того громъ убьетъ и ш. д.*

Собраніе подобныхъ сумволовъ между разными сектами или толками предспавило бы духъ разныхъ ученій, какимъ слѣдуютъ въ разныхъ споронахъ Россіи, и дополнило бы Исторію ересей и Философіи.

в.) Обычаи и нравы въ пословицахъ.

Чѣмъ больше что либо издавна пришло въ обыкновеніе, тѣмъ глубже укоренился предразсудокъ. Нравы и обыкновенія, къ коимъ приноровился и приобыкъ какой либо народъ, постоянно господствуютъ надъ мыслями и дѣйствіями онаго по силѣ привычки и по праву давности. Пословицы, какъ общій языкъ, выражаютъ или то, что существуетъ, напр: обычаи и нравы, или то, чему должно быть: нравоученіе, или нравственность. Начнемъ съ первыхъ, дабы легче перейти къ послѣднимъ.

Препод. Неспоръ говоритъ, что Славяне *„имѣяху обычаи свои и законъ отецъ своихъ и преданье, каждо свой нравъ“*. Различіе нравовъ и обычаевъ по времени и по мѣстности въ Россіи подтверждается самою пословицей: *Что городъ, то нравъ: что деревня, то обывай*, или *Во всякомъ подворьѣ свое пострье*. Въ Рускихъ нравахъ и обычаяхъ, коими, какъ увидимъ, замѣнялись зако-

ны, опсвѣчиваеица. Язычество, замѣненное Хрістіанствомъ, а опъ сліянiя въ Россіи разныхъ народовъ въ разныя эпохи коренное Славянское, Руское, Византійское, Ташарское, Липовское, Германское и т. д.; опъ сего въ жишѣ бышѣ народа нашего сливается Сѣверное съ Восточнымъ и Западнымъ, Азіатское съ Европейскимъ. Какъ древнія сношенiя Рускихъ съ Греками и двухвѣковое владычество Монголо - Ташаръ, шакъ равно эпохи Единодержавiя съ Іоанна IV и Преобразованiя съ Пешра I во многомъ измѣнили старинныя нравы и обычаи народныя, въ коихъ хош видны и спранныши, грубость и невѣжество, но приномъ ешъ простиша, доброша и другія похвальныя качества. Среди такихъ переворошовъ Славянское замѣняясь Рускимъ, Ганза Ордою, Византійское Нѣмецкимъ, обласнныя Вечи Думами Единодержавiя, взаимно кляли свой цвѣшъ на обычаи и нравы народныя, кои опъ сего сдѣлались споль неспрыми, что едва можно по мѣшамъ оплчинить главные ихъ цвѣшы. Опъ разнородной ешой примѣси, по посло-

зиць, иногда то стыдно и ершино, то въ
обычай вошло.

Жилили разныхъ споронъ Великія,
Малыя, Бѣлыя и Черныя Россіи въ *Сла-
вянскій, Рускій, Татарскій, Москов-
скій и Петровъ* періоды должны имѣшь
свои нравы и обычаи, и соотвѣшешвуюющія
онимъ пословицы, какъ употребитель-
ные шѣхъ и другихъ предшавили; но
опъ смѣшенія въ нихъ древняго съ
новымъ, опечешвеннаго съ иноземнымъ,
языческаго съ Хрістіанскимъ, не всегда и
не вездѣ можно съ достовѣрностію положишь
разграничительную чершу, гдѣ оканчи-
вается одно и начинаешся другое; ибо и древ-
ніе Лѣтописцы наши нерѣдко произвольно
переславляли происшешвія изъ вѣка въ
вѣкъ, съ одного мѣста на другое.

Посему и будемъ слѣдовать въ епомъ
опдѣленіи болѣе порядку самыхъ предметовъ
по опношенію ихъ къ Нравешвенности, неже-
ли Хронологіи, приводя здѣсь особенно шѣ изъ
сцариныхъ обычаевъ, о коихъ воспоминанія
храняшся въ Лѣтописяхъ, преданіяхъ и
пословицахъ: слѣды ихъ опкрывающешся также

и въ разныхъ спорахъ Россіи: что вывелось въ одномъ, то ведется еще въ другомъ мѣстѣ, и частнымъ иногда объясняется общее, древнимъ новое, иноземнымъ опечеспвленное. Общимъ согласіемъ обычаи, принимающіяся и опмѣняющіяся, и слывущъ по старшинству *древними, давними*, кои вывелись, или еще удерживающіяся и въ новыя времена, а по нововведенію *новыми*.

Подобно многимъ изъ Восточныхъ и Славянскихъ народовъ, опличительномъ черпою нравовъ и обычаевъ въ предкахъ нашихъ и среди Языческаго было почтеніе къ старѣйшимъ, кошоное ушверждало благоуспройство сѣмейное и опчеспвленное; оно признавалось главнымъ правиломъ нравспвенности народной и полишки Государспвенной и въ Хрістіанствѣ, подшвердившемъ старобышнее заведеніе. *Старшихъ* — говаривали — *и въ Ордь почитаютъ*. Лѣтописи наши исполнены умилишельными и назидательными примѣрами сей паптріархальной добродѣтели, зиждишельницы и блющишельницы Рускаго Государства. „Сшарыя чши — яко „опца — учишъ Владиміръ Мономахъ — а мо-

„лодыя яко брашью.“ Псковскій Князь Довмонъ, ободряя малую дружину свою прошивъ многочисленнаго врага, велъ ее къ побѣдѣ слѣдующими словами: „Брашья, мужи „Псковичи! кпо сшаръ, шощъ ошець, а „кпо молодъ, шо брашъ.“ Подлинно, гдѣ единомысленцы душами соединены, шамъ сшаршими ошцы, а младшими брашья. —

Братское старшинство Великаго Князя въ отношеніи къ Удѣльнымъ, какъ сшаршаго брата къ меньшимъ, между прочими соспоало въ шомъ, чшо они должны бышь съ нимъ за одно безъ лисы (gift?) и подобно устави еоодаальному, были „съ братомъ своимъ „вездѣ за одинъ и до своего живоша: а кпо „Князю другъ, шо и шобѣ другъ, а кпо „будешъ Великому Князю недругъ, шо и „шобѣ недругъ“ (v). При жизни сшаршаго брата Олега В. К. Игорь I ошказываешся приняшь правленіе. Мстиславъ Владиміровичъ увѣдомляешъ бѣгущаго ошъ него Олега Святославича, чшо желяешъ

(v) См. въ *Посл. Митроп. Росс.* посланіе ко Кн. Дмитрію Юрьевичу. У Вико приведена слѣ-

съ нимъ примиришься, а не воевашь какъ со спаршимъ. Князья Давидъ и Мстиславъ Роспиславичи въ 1174 г. ошказались ошсбивашь Кіевскій пресполъ, но послали къ В. К. Владимірскому Андрею Боголюбскому, какъ спаршему въ родѣ, просишь его соизволенія (w). На уваженіи къ спаршинству основано было въ Россіи право, кошорое ошдавало пресполъ спаршему въ родѣ, а не сыну послѣ ошца — право впрочемъ вредное по своимъ слѣдствіямъ и не испребившееся еще при Іоаннѣ IV. Такъ какъ *старья* почтишалась *статьею*, ш. е. успавомъ, порядкомъ: шо и спаршіе, по своей ошпынности и благоразумію, предпочтишельно избирались въ начальники, судьи, свидѣтели и совѣшники. *Старина съ мозеомъ*, ш. е. съ умомъ.

Съ благочеспіемъ къ Вѣрѣ и съ пошпеніемъ къ спаршинству соединилась и

дующая формула Феодальная, сходная съ вышеозначенною: (Ligue) celui qui doit reconnoître pour amis et pour ennemis tous les amis et les ennemis de son Seigneur. см. Principes de la Philosophie de l'Histoire, par Vico, à Paris. 1827.
(w) см. Труды О. Иш. и Др. Росс. ч. 2. см. *Арцыбышева*.

покорность въ Рускихъ къ Начальству, какъ власни отъ Бога пославленной. Послѣ уничиженія Удѣльной сусщемы, Новгородской и Псковской Спарины и по водвореніи Единодержавія въ Россіи, когда на Московщинѣ спшали говоришь подданные, что они *душею Божию, а тѣломъ Княжіе*; тогда вошло въ обычай, при подаваніи боярами Царю просьбы или совѣща, приговаривашь: *А всего свыше, Государь, въдаетъ Богъ, да Ты; какъ тебѣ Богъ на сердце положитъ*. Гванини и Болшинъ также свидѣтельствуютъ, что и Царь ошвѣщивовалъ просишелямъ: *Если будетъ Богу угодно, или Если Богъ велитъ: я это сдѣлаю*. О мнѣніи народномъ, что *Сердце Царево въ руцѣ Божіей*, свидѣтельствуютъ Пешрей и старая поговорка: *Про то въдаетъ Богъ, да Царь*.

Слова Теофана Прокоповича, что „вождеѣнно всѣмъ видѣтъ лице Царское“, оправдывающія благоговѣйнымъ въ народѣ обычаемъ *видѣтъ свѣтлыя Царскія очи*. Особенно для сего собирався народъ въ день Симеона лѣтопроводца, въ Москвѣ на боль-

шую Ивановскую площадь, гдѣ Царь, по древнему обычаю, сидя на престолахъ въ Царской одеждѣ, окруженный боярами, принималъ благословеніе отъ Митрополита, или Патриарха и привѣщствіе отъ подданныхъ, тогда еще именовавшихъ себя рабами. Въ 1698 году, 1 Сентября, Пётръ I въ послѣдній разъ исполнилъ сіе древнее заведеніе въ Москвѣ, начавъ 1700 года по иностраннымъ обычаямъ праздновать начало новаго лѣта съ Января мѣсяца (х).

Какъ въ соединеніи семействъ, составляющемъ Государство, главою Государь и Законъ, такъ и въ каждомъ семействѣ природою и закономъ повелеванъ отецъ онаго. Слѣдующими пословицами изображается власнѣ домовладыки: *Въ домѣ нѣтъ хозяина больше; попечительность его — Добрая голова сто головъ кормитъ; наслажденіе его — Хозяинъ въ домѣ, какъ Авраамъ въ раю; обиліе и довольство у него — Домъ какъ полная чаша.* Но и трудности вести порядокъ и водворить благоденствіе въ домѣ выражающіяся посло-

(х) Дѣянія Петра I, т. X.

вицами: *Домъ яма: стой прямо—Горе тому, кто непорядкомъ живетъ въ дому—Домомъ жить, не разиня ротъ ходить.* Владиміръ Мономахъ даетъ дѣтямъ своимъ о хозяйствѣ слѣдующій совѣтъ: „Въ дому „своемъ не лѣнишеся, но все видише, не „зрише на шивуна, ни на опрока, да не „посмѣюшся приходящіи къ вамъ и дому „вашему и обѣду вашему.“ Домашнее устройство надѣляло хозяина спорыньею кошорая почишалась *выше богатства*; оно требовало его присмотра: *Хозяйскій глазъ смотрѣлъ, а не свой глазъ, не любой кусъ.* Труды хозяина раздѣляетъ хозяйка; онъ домовникъ, она домовница; онъ него, по пословицѣ, должно *пахнуть вътромъ*, онъ нее *дымомъ*, ш. е. онъ внѣ дома приобретаешъ, она приобретенное хранишъ и въ пользу употребляетъ. Иначе, *не столько мужъ мышкомъ, сколько жена горшкомъ вытащутъ изъ дому*, ш. е. не столько мужъ, сколько жена можешъ разорить домъ. Также *Добрая жена домъ сбережетъ, а плохая своимъ рукавомъ разнесетъ.*

*Бракъ въ сшарину у насъ считался не однимъ договоромъ, какъ по естесшвенному праву, но основаніемъ общесшвеннаго благоуспройсшва, закономъ, судомъ Божиимъ и священнымъ, вѣчнымъ союзомъ, кошорый связывала сила вѣры и цѣль природы. Мужъ величаемъ былъ главою, а жена—душою. Нравы и обычаи предковъ служили мѣрою сшасшя и залогомъ швердосши сихъ союзовъ; ибо сшаринные мужья полагая, что воля дѣбру жену портитъ, не давали воли женамъ. Владиміръ Мономахъ совѣщуетъ дѣшямъ своимъ „Женъ лю-
„бишь, но воли имъ не давай надъ собою.“ Даниль Запчникъ (XII в?) приводитъ мѣрсшую припчу: *Не мужъ въ мужьхъ, кльмъ своя жена владѣетъ, не работа въ работахъ подъ жонками возъ возити.* Герберштейнъ первый сказалъ, будто жена Россіанка не увѣрена была въ любви своего супруга безъ часпыхъ ошъ него побоевъ; хотя сіе могло бытъ шолько ошчасши испиною, объясняемою для насъ древними обычаями Славянскими и грубою нравсшвенностію временъ ига Батыева. Къ*

ешому же обычаю относящіяся пословицы: *Милаго побои не долго болятъ, или Милые бранятся, только тѣшутся*—Люби жену какъ душу, а трясина какъ грушу, или бей какъ шубу, сходная съ Теренціевымъ стихомъ: *Amantium irae amoris integratio est*, ш. е. „брань любящихся есть возобновленіе любви.“ П. Пепрей приводишь въ свидѣтельство сему одно судебное дѣло и употребительное слово, которое и теперь еще повсюду употребляется женами въ отдаленіи отъ столицы: *Ты меня не любишь; ты меня не бьешь!* „Рускіе, говоришь одинъ чужестранный путешественникъ по Россіи въ XVII вѣкѣ, не давали воли женамъ по пословицѣ своей, похожей и на Нѣмецкую по сходству нравовъ: *Кто женѣ своей волю даетъ, тотъ самъ себя окрадываетъ*, (*Wer seinem Weibe die Freiheit läſſet, beraubet sich selbst*) (у),“ или *Когда женѣ спускать, такъ въ мужихъ домахъ ее искать*. — Впрочемъ даже во Франціи, славящейся нежностію нравовъ,

(у) Anhang von der Russischen, oder Moskowitischen Religion. Leipz. 1698. 12.

до временъ Людовика XIV, по свидѣтельству Бомануара, старинные обычаи давали мужьямъ полную власть надъ женами (2), именно: *battre leurs femmes à loisir*. Но это водилось въ старые годы, какъ видно изъ слѣдующей пословицы: *Въ старые годы бывало, мужъ жену билъ, а теперь жена мужа бьетъ*.

Не взирая на такое самовластіе старинныхъ мужей въ Россіи надъ женами, которое, по нравамъ и по духу нашего времени, можешь назваться суровоспью и даже жестокоспью, до В. К. Свмеона Гордаго не слышно почти было о разводахъ (а), кои и до XVIII вѣка весьма были рѣдкими и почитались поворными и грѣшными. *Женидба есть, гласитъ пословица, а розженидбы нѣтъ. Доброе замуство поскименье*. Рафаиль Барберини въ XVI вѣкѣ описываетъ древ-

(2) Болтина Примѣчанія на Исторію древней и нын. Россіи, соч. Леклерка, Спб. 1788. т. 1. 4.

(3) Однако жъ прежде его встрѣчаются сіи случаи въ Лѣтоп. Ник. II. 53. Воскрес. II. 135. Ярославцевъ въ III 9. Романа Мстиславича въ 1203 г. 3. Замѣч. Арицыбышева.

ній обрядъ развода въ Россіи, который состоялъ въ томъ, что „мужъ съ женою идехъ къ проточной водѣ и становившися каждою на противоположной сторонѣ и, взявши за концы тонкую холщину, плынухъ ее до ихъ поръ, пока не разорвухъ, шакъ что у каждаго изъ нихъ останеся по половинѣ въ рукахъ. Послѣ сего расходяшся, кому куда угодно и дѣлаюшся свободными.“ Не ешюли было *лады у воды* въ ироническомъ смыслѣ? Вспушленіе въ монашество иногда разлучало шакже несогласныхъ между собою супруговъ, какъ гласитъ преданіе и слѣдующая поговорка : *Отъ женъ люди постригаются.*

И жребій и имущество почишались общими у жены съ мужемъ, шакъ какъ велось у Германцевъ; что и оправдывается старинною ихъ пословицею: *Mann und Weib sind ein Leib*, и. е. мужъ и жена одно шѣло, а по простому Рускому выраженію, *Мужъ и жена одна душа.* Согласіе и любовь — *ладъ*, почишался залогомъ семейственнаго благоденствія, выше самаго богатства : *Не надобенъ и кладъ, коли*

у мужа съ женою ладъ. О несогласіи же супружескомъ говорили: *Коли пойдеть екось, да врозь, такъ дѣло и брось.* —

По стариннымъ обычаямъ и законамъ, жена, убившая своего мужа, живая зарывалась въ землю по самыя плечи и шакъ окончивала жизнь свою (b). Майербергъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ ешой казни въ Москвѣ. Хотя Царь Ѳеодоръ Алексіевичъ 1679 г. и запрешилъ закапывать въ землю женъ за убійство своихъ мужей; однако Бруинъ при Пешрѣ 1 видѣлъ въ Москвѣ 1702 г. шакую казнь, какая была въ Енисейскѣ и при Аннѣ Ивановнѣ. Ошъ ешаго върояшно и сравненіе, обратившееся въ поговорку, *какъ екораная?* „По старинному судебному обычаю“ — свидѣтельствуетъ очевидецъ Пешрей — „нарушилель свяшосши супружескаго ложа повинень былъ плашннш шакую сумму денегъ, какую законный мужъ попотребуешъ, и сверхъ того, долженъ бытъ провоженъ ударами плещи ошъ дверей Приказа до опозореннаго имъ дома; а преспуная жена подвергалась, въ присуш- (b) Новоук. ешашей, 98.

спвиі родныхъ, шѣлесному наказанію и (что бывало у древнихъ Германцевъ (е)) осприженію волосъ на головѣ, или заключа-лась въ монастырь; тогда ея мужу позволя-лось взять себѣ другую жену.“ Спошь силь-ныя и жестокія врачевства упошребляли предки наши, подобно Визаншійцамъ, для врачеванія распушства, нарушающаго ча-епное и общее благо. Слово *рогоносецъ*, какъ выше замѣчено, взято опъ иносстран-цевъ; объ немъ Рускіе говорили, по свидѣ-тельствву Колинса, что онъ *валяется подъ лавкою*. — Но все еще спарина, а *ста-рина*, по давней пословицѣ, *что диво!*

Супружесство-спаринное заключалось не по- одному влеченію пылкой спраеси юношей, но по благословенію родителей, которые, сами выбирая изъ добраго, пріятельска-го, сѣмейства сыну невѣшу, а дочери жениха, обращали спаринное дружесство въ свойство и родство. Женихъ и невѣста до брака и не видали другъ друга. Спарая посло-вица учила: *Первую дѣль бери по отцу и матери, а вторую по сестрѣ*, ш. в. глядя

(е) С. Taciti de mor. Germ. с. 19.

тому, какъ отецъ и мать живешъ, или какъ выданная за мужъ дочь ихъ. *Выбирай жену не глазами, но ушами*, т. е. не смотри на однѣ внѣшнія красы, а на доброе объ ней мнѣніе. Родители, которые *берегли дочь до вѣнца*, передавали власть свою мужу ея, который долженъ былъ *беречь ее до конца*. По старинному заведенію, которое нынѣ сохранилось болѣе между людьми стариннаго вѣка, дѣвцы подъ надзоромъ родителей, жили въ уединеніи, рѣдко показывались и въ церквахъ, занимаясь дома рукодѣльями и приучаясь къ хозяйству, какъ основанію семейнаго благосостоянія. Матери съ дочерьми не только у бояръ, но и у Царя, хотя и не ходили на рѣку мышь бѣлье подобно Гомеровымъ Царевнамъ, а въ шеремахъ своихъ пряли и шкали холстъ на рубашки мужьямъ и вышивали золошомъ, серебромъ и шелками ширинки и пр. Жены, кромѣ Новгородскихъ посадницъ, не вступались въ мужскія дѣла; ибо старая поговорка съ обычаемъ присуждала имъ *знать свое кривое веретено*; шакъ Салійскій законъ о прасличномъ правѣ

(droit en quenouille) опрѣшалъ во Франціи женщинъ оупъ правленія. Спаринные обычаи предписывали дѣвицамъ зашворничесшво въ шеремахъ; что видно и изъ слѣдующихъ пословицъ: *Держи деньги въ темнотѣ, а дѣвку въ тѣснотѣ*, или *Всякъ бы про двушку слышалъ, да не всякъ бы ее видѣлъ*, также *Въ клыткахъ прищы, а въ теремахъ дѣвищы*. Иные полагающъ, что сей обычай заимствованъ Рускими оупъ Ташаръ; но кажешся его происхожденіе еще древнѣе, какъ свидѣтельствуетъ и самое слово, упоминаемое Несторомъ, и спроеніе *τέρας* и *τέρεμνον*, *теремъ*, перешедшее къ намъ оупъ Грековъ; ибо извѣстно и то, что древніе Еллины и Византійцы не давали свободы женщинамъ и держали ихъ въ особыхъ внутреннихъ покояхъ дома, кои у первыхъ назывались *γυναικείον*, у другихъ *τέρεμνον* (d), и *γυναικείον ἀπὸ τέρεμνων*,

(d) Antiquités grecques, trad. de Robinson. à Paris. 2 v. 1822. 8. — По свидѣтельству Нестора; (по Лавр. сп.) у Ольги былъ дворъ *теремный* и *теремъ* каменъ. Дворецъ *теремный*, до нынѣ подъ симъ названіемъ существующій въ Москвѣ, заложенъ былъ въ 1499 г. Архитекторомъ Миланскимъ Алевизомъ.

дѣвичьи свѣшелки, или вышки, и покои для новобрачныхъ у *Еврип. Нирр. v. 768.*, у *Лукіана ѳрот. 34.*, такъ какъ въ Рускихъ пѣсняхъ и присловьяхъ, *уѣла тѣрѣма, высокіе терема*. Спаринное сказаніе изображаешъ намъ великолѣпіе терема, гдѣ хранилась красота съ цѣломудріемъ: „На небѣ солнце, въ шерему солнце; на небѣ мѣсяцъ, въ шерему мѣсяцъ; на небѣ звѣзды, въ шерему звѣзды и вся красота „поднебесная.“ Рука Преобразователя Россіи начала открывать заклепы шеремовъ и выводилъ женщинъ на свѣтъ.

Дѣши опытъ добраго сердца вѣрили, чпо покорность судьбѣ и воля родишельской благословляеся милостію Божіей; уваженіе къ святыни закона чашю замѣняло любовь, кошорая приобретаеся и упрочивалеся временемъ, скрѣпляеся залогомъ супружескаго сожитія. *Невольники бываютъ счастливы*, гласилъ пословица о шѣхъ, кошорые волю свою предаюшъ волю Божіей и родишельской. Съ такою преданностью шерпѣли жены и суровость мужей своихъ, побѣждая ее крошосшію—

вѣрнѣйшимъ оружіемъ, какимъ природа снабдила женщину.

О неравенствѣ лѣтъ при бракосочетаніи жениха и невесты говоритъ пословица: *Невеста родится, а женихъ на конь садится*; она напоминаетъ древній языческій обычай *сажденія на коня*, какъ бы Тацарское рыцарство: что дѣлалось болѣе во младенчествѣ отъ двухъ до семи лѣтъ вмѣстѣ съ *постриженіемъ* волосъ; при чемъ, какъ и при крещеніи, бывали знашныя люди восприемниками. Такой обрядъ, означавшій вступленіе младенца въ бышіе гражданъ, извѣстенъ былъ не только въ Россіи, но и въ другихъ земляхъ Славянскихъ, по свидѣтельству М. Галла и Кадлубка. Ташищевъ увѣряетъ, что сіе постриженіе на его памяти совершалось между знашными особами и что младенцы переходили тогда изъ рукъ женскихъ въ мужескія (е). Подобное обыкновеніе сохранялось у козаковъ, у кошорыхъ, по испеченіи со-

(е) *Ташищева* Росс. Истор. кн. 3. 502. прии. *Аризмбишева.*

рока дней и послѣ очистишельной молищ-
вы роженецъ, опець подспригалъ младен-
цу волосы кругомъ и сажалъ на лошадь
и поздравлялъ мамъ съ козакомъ. Когда
же у младенца прорѣзывались зубы: тогда
опецъ и мамъ возили его на конѣ къ цер-
кви служишь молебенъ Св. Іоанну Воину
о шомъ, чпобъ младенецъ былъ *храбрымъ*
козакомъ (f).

Не упонченныя правила нравственнаго
любомудрія, но св. вѣра и внутреннее ощу-
щеніе справедливости, перешедшее въ об-
щее мнѣніе, было у предковъ нашихъ осно-
вою любви родителей къ дѣтямъ и не-
преложнаго, пожизненнаго повиновенія дѣ-
тей къ родителямъ, какъ источника сѣ-
мейнаго и общественнаго блага, и соеди-
нялось съ увѣренностію, что *Кто роди-*
телей почитаетъ, тотъ навѣки не по-
гибаетъ, что *Родительское благослове-*
ніе на водѣ не тонетъ, на огнѣ не го-
ритъ, что *Материна молитва со дна*
моря вынимаетъ. Преподобный Песпоръ

(f) Руская старина, изд. А. Корниловичемъ,
изд. С. П. 1825.

говоришь о Святославѣ Игоревичѣ, что „онъ не послушавъ мащери, творяше но-
ровы поганскіе, не вѣдый: аще кто маще-
ри не послушаетъ, въ бѣду впадаетъ.“—
Рускій народъ, согласно съ ученіемъ Св.
Писанія, вѣришь, что *Отцовская клятва*
сушитъ, а материнская коренитъ.

Хошя въ старину у насъ опцы и не
имѣли права проеокрашно продавати дѣ-
шей своихъ (g), какъ бывало въ держав-
номъ Римѣ и какъ донынѣ ведется въ Ки-
таѣ, гдѣ понятіе о власши родишельской
сильнѣе самаго закона; однакожь при вос-
питаніи дѣшей старинные родители крѣп-
ко держались правила: *Гдѣ страхъ*
тутъ и благочестіе; — прежде времени
не давали имъ воли, вѣдая не изъ умозрѣ-
нія, но изъ опыта, что *Воля заноситъ*
въ неволю: Въ старину была пословица,
нынѣ почти выведенная изъ употребленія
новыми способами воспитанія, заимствован-
ными опъ иноземцевъ: *Ненаказанный сынъ*
безчестіе опцу — пословица, по видимо-

(g) Но однократно имѣли право ихъ продавати,
какъ значится въ *Судебникѣ* § 75. А.

му, прошивная духу нашего вѣка и Русской сущности воспитанія, пошворсшующей спрашамъ, но согласная съ наспавленіями Іисуса сына Сірахова: *Любай сына своего оугаститъ ему раны, да возвеселится въ послѣдняя своя*. Какія видѣли мы благошворныя слѣдствія строгости при воспитаніи юношесства въ Римѣ, когда свяшо и ненарушимо хранились ушавы иредковъ, подобно огню неугасаемому Веспы — шакія же замѣчаемъ и въ своемъ опечесствѣ, когда вышеприведенныя нами пословицы, суровыя впрочемъ для нашего вѣка, служили непреложными правилами въ сѣмейной жизни, которая ешъ розсадиикъ общесшвенныхъ добродѣтелей.

Какъ области издавна въ Россіи, шакъ и Государи и чашные люди брашались; и ешомъ союзъ душевный называясь у Рускихъ *побратимствомъ* (h), освещался церковнымъ обрядомъ; но, подобно усыновленію, послѣ опшмѣненъ. Между собою побрашавшіеся мѣнялись шѣльными

(h) Пошребикъ Папр. Флаареша, л. 144.

крестами, и именовались *братьями названными, побратанцами*, а въ Сибири *крестовыми*; при разрывѣ дружбы кресты возвращались одинъ другому: *Братъ не братъ, такъ отдай мой крестъ*. Такимъ образомъ брашались и разбрашались. Брашвореніе извѣстно не только у Поляковъ (braterstwo, pobratanstwo), Богемцевъ (bratrstvo) Словаковъ (braterstvo), Далмашовъ (bratsztvo), Кроашовъ (bratinsztvo), Босняковъ (bratinsctvo) (i), но даже у Мугаммеданъ, у кошорыхъ, по заповѣди Мугаммеда, спрансывующіе въ Мекку на горѣ Арафѣ сдѣлавъ поклоненіе праошцу Адаму и сошворивъ молишву, взаимно объемлюшся и шѣмъ свидѣтельсывующъ предъ Богомъ брашство спранническое съ обѣщаніемъ другъ друга сохраняти и почишати (k). У древнихъ Грековъ брашствомъ (φратρία) называлось полишическое раздѣленіе на-

(i) См. въ *Потребникѣ*, М. 1852, гл. 40. Чинъ брашворенія. „Пакы Липовскіе побрашавшисъ и покумившисъ съ Рускими, пишешъ Сшрыйковскій, населяли пущыни Рускія.“

(k) Книга Свсшима Мугаммеданскія религіи. С. II. 1722. кн. V. гл. 6.

рода, которое вѣроятно имѣло основаніе въ старыхъ родовыхъ связяхъ. Въ Россіи понятіе Хрістіанскаго братства, соединяющаго единовѣрующихъ, сходно съ понятіями Восточныхъ жишелей, какія и доселѣ сущесивуютъ между Мугамеданами. Круговая чаша, изъ коей Рускіе пили, слыветъ *братиною*. (1) Въ Коспромской и другихъ Губерніяхъ *братиною* называется пиршесиво, успроенное въ складчину; къ сему опносятся поговорка: *братчина складчина*. Сколько братство и родство служили единеніемъ для взаимнаго вспоможенія, пользы и веселія, столько раздѣленіе въ сѣмьяхъ кресьянскихъ, особливо замѣтное съ XVIII вѣка, влечетъ за собою оскудѣніе, разрываетъ нѣгузы общенія и повиновенія, кои крѣпко соединяли душу съ душою. Родные братья и при опцѣ и безъ опца не дѣлились, такъ какъ и мужъ съ женою, сосшавляя одну сѣмью, въ коей старшій братъ засшупалъ мѣсто опца для младшихъ. *Вникъ не переломилъ, а попытъ весь изломаешь — Доброе братство милье богатства.*

(1) Словарь Росс. Академіи. I изд.

„Будь къ сосѣдямъ добръ, пишепъ
 „Капонъ (m): если спанешъ жишъ съ ни-
 „ми въ ладу, то скорѣе сбудешъ съ рукъ
 „избышки свои; въ нуждѣ они тебѣ помо-
 „гушъ, чѣмъ могушъ.“ — Такихъ пра-
 виль держались и предки наши, доро-
 жа добрымъ сосѣдствомъ: *Не купи себѣ*
домъ, говаривали они пословицей, да ку-
пи сосѣда. Вода между собою хлѣбъ-соль,
 какъ *взаимное дѣло*, пособляя одинъ дру-
 гому *не въ службу, а въ дружбу*, и на-
 слаждаясь взаимною довѣренностью и добро-
 хотствомъ, они любили жишъ съ сосѣдами
 душа въ душу, такъ, чшобы былъ *дворъ обо*
дворъ и калитка на дворъ. Послѣ того,
 какъ Царь Алексѣй Михайловичъ, оставивъ
 поземельную, усшавилъ подворную подашь,
 положенъ сборъ съ ворошъ; тогда близкіе
 дворами и душами сосѣди, бѣдные-дѣлали у
 двухъ и шрехъ домовъ одни ворошы, за кои
 плашили подашъ въ складчину. Въ числѣ хо-
 рошихъ свойствъ гражданина было то, что
 онъ *добрый сосѣдъ.* На свидѣтельствѣ со-
 сѣднаго околотка основывается до-нынѣ

(m) *Caso de re rustica.*

употребительный въ судебныхъ изслѣдованіяхъ *повальный обыскъ*.

Къ семействамъ, кои состоятъ изъ повелѣвающихъ и повинующихся, принадлежали слуги и рабы, какъ домочадцы, кошорыхъ значеніе и жребій въ различныя эпохи Россійскаго Государства были различны до Ташарской эпохи, по устанавленіи Царемъ Іоанномъ IV срока переходовъ крестьянъ, и съ царствованія Петра I. Издревле извѣстны болѣе три рода рабовъ въ Россіи: *рабы, холопы, смерды*, различавшіеся по занятіямъ и условіямъ, съ какими они подверглись рабству (п). Рабами были крепостные холопы, или дворовые или сельскіе, попомки купленныхъ людей или военнопленныхъ; а холопы, жившіе при домахъ господскихъ на гошовой содержаніи по *кабалѣ* и по *лѣтней*, или сами шли въ кабалу отъ бѣдности, или продавались, какъ свидѣтельствуютъ старобышніе законы, лѣтописи и пословицы: *Не роженъ не сынъ, не купленъ не холопъ* (не слу-

(п) О состояніи крестьянъ господскихъ въ Россіи, соч. М. Грибовскаго. Харьк. 1816. 12

га), и *Неволя холопу, а воля господину*, копорый, по другой пословицѣ: *въ неволь у прихотей своихъ*. Холопы, лишенные вмѣстѣ съ свободою и довѣренности, по Русской правдѣ ст. VI, не брались въ свидѣтели: „Холопу на правду не выѣзаша; а „послушесива на холопа не вскладывай.“ По примѣру Воспочныхъ жишелей, серьги у холопа служили признакомъ рабства; о чемъ напоминаетъ пословица въ Калугѣ: *Ужъ виднѣ холопѣ: серга въ ухѣ* (о). Съ Единодержавія въ Россіи самые вельможи именовались изъ подобоспрасшія къ Царю его *холопами* и *рабами* до Екашерины II. Для истребленія бродягъ и шуенядцевъ запрещено было помѣщикамъ брать себѣ въ услуженіе вольныхъ людей безъ письменнаго обязательства; въ прошивномъ случаѣ не давалось суда на такихъ людей, хоша бы они бѣжали, обокравъ своего го-

(о) *Вѣстн. Евр.* 1828, № 4, ст. Г. Коноплева о сходствѣ между Руск. и Воспоч. обыкновеніями. О вроняшіи ушей шиломъ у рабовъ для ношенія ушеразей. см. *Исх. XXI. 5. Второз. XIV. 18.*

сподина: *не держи безъ кабалы* (р), гласили слова закона, обратившіяся въ поговорку.

Несчастнѣе холопства было состояніе земледѣльцевъ свободныхъ, говорившѣ Карамзинъ (q), копорые нанимая землю въ помѣстьяхъ или опщинахъ у дворянъ, обязывались работашъ; они издревле слыли *смердами*, а съ XVI вѣка *крестьянами* въ худомъ смыслѣ сего слова, какъ полагаютъ, превращеннаго Татарами изъ Хрістіанъ. Слово *смердъ* Дюканжъ производитъ отъ *smurt*, смерть; *homines manus mortuae*, люди мершвой руки (r); на смердовъ крѣпостные акшы въ Псковѣ въ XVI вѣкѣ назывались *мертвыми грамотами*. Лишеніе свободы почишалось гражданскою смертію. Понятіе о смердахъ, по мнѣнію Г. Каченовскаго, пришло въ Россію изъ земли Вендовъ, покоренной Нѣмцами, копорые имя Славянинъ обрати-

(р) Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Росс. Государствѣ народовъ. ч. 3. С. II. 1799. 4.

(q) Карамз. И. Г. Р. VII, стр. 214.

(r) *Die todte Hand*, имя вѣчныхъ владѣній и владѣтелей, въ отношеніи только къ недвижному имѣнію.

ли по созвучію въ *sklave*, рабъ; отъ языка Люненбургскихъ Вендовъ сохранилось и слово *smardi*, крестьянство, которое у Германцевъ называлось *smurdi*, какъ бы соотвѣтствующее Рускому *смурые* по смурому или сѣрому кафтану крестьянъ. О презрѣніи, невѣжествѣ и грубости смердовъ напоминають слѣдующія старыя пословицы: *Гдѣ смердъ думалъ, тамъ Богъ не былъ — Смердей взеладъ пуще брани — Муха не надуть, а смерда не научить.*

Спаробытные обычаи и законы предоспаивали господину расправу въ домѣ надъ дѣшми и рабами, а простота и грубость нравовъ оправдывали суровость мѣръ къ обузданію своеволія и безчинства. Спаринные хозяева радѣя о благоустройствѣ своего дома, сами за всѣмъ глядѣли, держась пословицы, что *Слуга невѣрный супостатъ господину безмѣрный*, что *Чего не досмотришь, то заплатишь*. В. К. Владиміръ II о себѣ говоришь дѣшамъ своимъ въ извѣстномъ наставленіи: „Что надлежало сдѣлать рабу моему на войнѣ или охотѣ, то я

„самъ' дѣлалъ и весь разпорядокъ въ дому
„своемъ чинилъ.“

Изъ сѣмейныхъ праздниковъ, кромѣ
свадьбы, родинъ, крестинъ, почишаю-
ся торжественными и радостными; имени-
ны, кои праздновались, подобно поминкамъ,
по три дни; ибо *добрый именинникъ*, по
половицѣ, *до трехъ дней*. Именинный
пирогъ, съ какимъ ходилъ именинникъ къ
друзьямъ и роднымъ, и кошорый за обѣ-
домъ разламывали надъ его головою, во-
шелъ въ поговорку. Празднованіе именинъ
не только строго сохранялось между про-
столюдинами, но и между Царями и вель-
можами. Царь Іоаннъ Васильевичъ праздни-
валъ торжественно день своего рожденія
въ селѣ Коломенскомъ: „праздникъ пворя-
„ше рожденію своему; шамо бо по вся лѣта
„празднованіе (s).“ — Въ 1667 году, Царь
Алексѣй Михайловичъ, въ день своего Анге-
ла, приходилъ съ имениннымъ пирогомъ къ
Патріарху и жаловалъ Патріаршихъ бояръ
и дьяковъ такими-жъ пирогами (t).

(s) *Жарамзина* И. Г. Р. VIII. пр. 409.

(t) *Древняя Росс. Визіюевка*. VI. стр. 313.

Преподобный Неспоръ свидѣтельствуесть, что у Радимичей, Вяпичей и Сѣвера, вмѣсто браковъ, бывали *игрища* межю селы, на коихъ юноши *умыкали* себѣ дѣвъ въ жены. Сіи игрища, напоминающія намъ Римское похищеніе Сабинокъ, сходны, какъ мы видѣли выше, съ Греческими *ѹра* и весенними хороводами *на красную горку*, и горѣлками, при коихъ поюшь пѣсню, объясняющую содержаніемъ своимъ древній Сербскій обычай *отмица* (похищеніе дѣвицы) и сказаніе Неспора, именно: *Нашего поля прибыло, а вашего поля убыло*. Хотя сіи повѣрья и взыванія языческіе сохраняющіяся донинѣ, какъ забавы; но изконное объ нихъ воспоминаніе оспалось въ упопрѣбительной поговоркѣ *играть свадьбу* и въ нѣкоторыхъ свадебныхъ обрядахъ, кои споль многочисленны и по мѣсту, времени и лицамъ и споль разнообразны, что пребують особаго описанія, а пѣсни достойны замѣчанія по содержанію и стихотворному облику своему. Сей торжественный для Рускаго обрядъ соединенъ съ многими примѣтами, приговорками и пиршествами; дѣло, ула-

женное свахами или свахами, начинаешся по старой поговоркѣ, *веселымъ пиркомъ, да и за свадебку*. Пирь же сіи въ Коспромской Губерніи: *пропой, гостиницы, сеоворъ на канунъ брака*, а въ другихъ мѣстахъ дѣвишникъ, на коемъ невѣсша, закрывая вся фашою, причишаешъ, какъ напр. было въ Шенкурскѣ: „Родимой ты мой батюшка! женихъ-шо мой не воевода Важскій, не управишель Шенкурскій, не шорговый госпъ Верховажскій! За ко-го-шо меня, родимый, выдаешъ“ и пр. Но нигдѣ сполько невѣсша не поносима бываешъ, какъ въ Торопцѣ, гдѣ на дѣвишникѣ поюшъ: „Намъ чильбы Василитишка во шрехъ шубахъ, ажно она беременна, ты несешъ ли люлечку, ты ведешъ ли нянечку и пр. (и). Въ Нерехѣ, по свидѣтельству М. Я. Діева, невѣсша-сироша за день до брака съ подругами ночью ходишъ на кладбище прощаться съ родителами; шамъ по-молясь и поклонясь на могилкахъ, она приговариваешъ: *Родимыя батюшка и матушка, не надо ни злата, ни серебра,*

(и) Абевега Руск. суевѣрій. М. 1786. 3.

*прошу родительскаго благословенія. Новобрачный обыкновенно называется Княземъ, новобрачная Княгинею, а споль въ первый день брака Княжимъ. Свадебное пированье продолжается при дни; но иногда и болѣе; ибо *Добрая свадьба недѣлю*. Обычай разувать женѣ мужа, какому не хотѣла послѣдовать Полоцкая Княжна Рогвольда, существовалъ въ Москвѣ при Олеаріи и Герберштейнѣ; что видно изъ путешесшвій того и другаго: это было свидѣтельствомъ покорности жены, шакъ какъ и плешка, коею онъ ударялъ ее при разуваніи, знакомъ его владычествованія надъ своею помощницею. Въ болѣшей часпи Коспромской Губерніи между просполоудинами въ первый день свадьбы въ подклещѣ молодая снимаетъ съ молодого салоги, въ кои онъ кладетъ деньги. И донныѣ еще у новобрачной заплетаютъ волосы въ двѣ косы, а въ Нерехтѣ подавая ей кокошникъ, приговариваютъ: *Вотъ тебѣ кокуй, съ нимъ и ликуй!* Какъ у древнихъ Римлянъ при торжественномъ бракосочетаніи (confarreatio) брачующіеся*

вкушали хлѣбъ (panis farctus, far), испеченный изъ муки, соли, воды и меда (v); шакъ и у Рускихъ свадебнымъ хлѣбомъ былъ *коровай*, пригошовляемый на лицахъ и маслѣ изъ пшеничной и крупичатой муки и видомъ похожій на грѣшневикъ. Иносказательно въ просторѣчїи коровай говоритсѣ, вмѣсто свадьбы и чужей жены: *На чужой коровай ротъ не раззѣвай, а свой затѣвай!* Въ Вельской округѣ шени дѣлають *сыръ съ похестъ зятю*, который приносятъ въ Петровъ день съ поклономъ на первой и на второй годъ бракосочетанія. Зашъ пригласаешъ въ ешомъ праздникъ гостей сыру кушашъ. Нѣкоторыя даже приносятъ сіе явешвіе въ церковь и послѣ молебствія даращъ оное. Въ Кинешемскомъ уѣздѣ доселѣ ведется обычай между просполоудемъ, на второй недѣлѣ Великаго Поста въ Субботу, зашьямъ угощашъ шешей киселемъ, который привозитсѣ иногда на ярмарку въ пробахъ: еша Суббота, слыветъ *обжорною*.

(v) Сокращеніе Богослуженія древнихъ Римлянъ, соч. И. Римскаго. М. 1784. 8.

Какъ погребеніе, такъ и поминовеніе искони у Рускихъ счислялось священною обязанностію: кромѣ церковныхъ, оно у пресполюды сопровождается особыми обрядами и *погитаньями*, въ коихъ выражающіяся достоинства покойника и прискорбныя чувствія о потерѣ его. *Коли живы родители*, гласитъ наша пословица, *то ихъ почитай*, *коли умрутъ, поминай*. Не смотря на измѣненіе народныхъ обычаевъ, поминовенія родителевъ доселѣ исправляются и въ городахъ и въ селеніяхъ: послѣ погребенія зовущъ провожавшихъ покойника на шрапезу, кошорая начинается кушьею и блинами, а оканчивается киселемъ съ сѣною, и послѣ сего при возглашеніи вѣчной памяти покойнику, пьютъ медъ или пиво, сыченое медомъ, кошорый у древнихъ Грековъ былъ символомъ смерти (w); что совершается въ шрепины, дѣяпины, полусорочины и сорочины (x), въ полугодовщину и годовщину. *Покой-*

(w) *Porphyrii de antro Nymphæ.*

(x) *Сорокоустъ* отъ Греческаго *Σαρακοστή*, сорокодневное поминовеніе. см. *Ducangii Gloss. Graec.*

никъ, говоряшъ, у воротъ не стойтъ, а свое возметъ. О заупокойныхъ пирахъ, какіе давались Князьями и боярами въ монастыряхъ, пишешъ слѣдующее въ посланіи своемъ Мишрополитъ Іоаннъ въ XI вѣкѣ: „О горе вамъ, иже въ монашнхъ часно пиры шворяшъ, сываюшъ мужа вкупѣ и жены, и въ шѣхъ пирѣхъ другъ другу преснѣваюшъ, кшо лучше шворишъ пиръ.“ — Въ Кіевскомъ Лѣтописцѣ значншя, чшо „Сеншября 24 прнѣхаша въ монашнрь В. К. Рюрикъ, Киръ Василей съ Княгинею и съ сыномъ Роспиславомъ и Володиміромъ и съ дщєрію Предслагоу и съ снохою Роспиславлею, и посшави кушью у Св. Мнхала... и сошвори пиръ немалъ и накорми нгумены и калугеры, и возвеселнсь духовно о прншедшей въ дѣло шаково царской мысли его.“ (у) — Въ родншельскія Субботы, въ Семикъ и Радуницу родншельскія могилы у просшолоуднновъ обращашся въ любншельныя шрапезы, кои раздѣ-

(у) Карамз. И. Г. Р. III. 2 изд. въ прннѣштр. 105.

ляющъ и нищіе. Въ *Радуницу*, или *Навей сторникъ* на Оминой недѣлѣ почтищельные пощомки ходящъ на кладбища хріспосовашся съ усопшими предками и, подобно Грекамъ и Римлянамъ, кладущъ лица на могилы (а). Объ ушановленной В. К. Димитріемъ Субботѣ между 18 и 26 числѣ Октябрія, въ память воиновъ православныхъ, положившихъ живопъ на Куликовской бившѣ 1380 г., гласишъ и просшая ноговорка: *Не всегда поповымъ ребятамъ Дмитріева Суббота* (b). По старому повѣрью, время между Казанскою осеннею и Димитріевымъ днемъ почищается несчастливымъ для свадебъ, шакъ равно въ Маѣ не женишся и не выходящъ за мужъ, *чтобы не мались*. Въ весеннее и осеннее поминовенія родишелей у Рускихъ, подобно какъ у Римлянъ въ ихъ весеннія *Lemuria* и осеннія *Parentalia* (родишельскія), почишались неблагопріятными для бракосочешанія. Последнимъ

(x) *Luciani dial. mort. l. I. ὁὐτ' ἐκ κατὰρβίου*, очистишельное лице. *Juvenal. sat. V. 84. Sed tibi dimidio constrictus cammarus ovo Ponitur, exigua feralis coena patella.*

(a) *Карам. И. Г. Р. 2 изд. V. стр. 74, прим. 83.*

Московскимъ моромъ кончился благочестивый и человеколюбивый обычай, издревле существовавшій въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ Россіи — погребать въ Семикъ шѣла самоубійцы, казненныхъ, ушопшихъ и замерзшихъ, кои на Убогомъ Дому во всю зиму лежали неошпѣшныя и непогребенныя. Избранный же ошъ всего города нищій, извѣстный своею честностію и набожностію, назывался въ Коспромской Губерніи *Божедомомъ*, а въ Вологодской *Божатымъ*; онъ собиралъ по домамъ деньги для погребенія и поминовенія мершвыхъ, кои находились подъ его смопрѣніемъ, и жилъ одинокій при шѣлахъ: онъ чего и поговорка въ Коспромской и другихъ Губерніяхъ объ одинокомъ человекѣ: *живетъ одинъ какъ божедомъ*. При Убогихъ Домахъ иногда воспитывались подкидыши, за коими имѣлъ хожденіе шопъ же божедомъ и изъ коихъ бездѣшныя супруги брали вмѣсто дѣшей и называли ихъ *богодаными*; — и первый Воспиташельный домъ основанъ былъ Петромъ I въ Москвѣ, при Андреевскомъ монастырѣ, гдѣ изспари былъ Убогій

домъ (b). На Старообрядческомъ Рогожскомъ кладбищѣ, находящемся близъ Покровскаго монастыря на скудельняхъ, и доселѣ принимающіяся и воспишывающіяся подкидыши. И такъ, въ Россіи Воспишательные дома произошли отъ Скудельницъ, гдѣ несчастное рожденіе и несчастная смерть покрывались Хрістіанскимъ милосердіемъ; *живой* оспавался *не безъ мѣста*, а *мертвый не безъ могилы*.

У Грековъ соль была священнымъ залогомъ госпепріійства (g), такъ какъ *хлѣбъ соль у Славно-Руссовъ и шеперь*

(b) Въ Галичѣ Кн. Георгій Димітріевичъ устроилъ кладбище для погребенія странныхъ. Кладбища въ Исковѣ въ XVI в. назывались *Буяни*, гдѣ въ 1552 г. во время мора погребено 25 тыс., не считая при церквахъ и другихъ мѣстахъ. См. Труды Общ. Ист. и Др. Росс. ч. 3, стр. XIX

(c) Древніе почитали соль за вѣщо священное и Гомеръ по сему называетъ ее *ἁγίον ἄλα* (божественною солью), а другіе Греч. писали *ἱερούς ἄλας*, священными солями. Соль употребляли они какъ очистительное средство и прежде всѣхъ кушаньевъ пославляли оную предъ гостемъ и справникомъ. У Римлянъ она была въ такомъ же уваженіи и имѣла съ хлѣбомъ, какъ выше замѣтили, ссавляла главное кушанье.

у Словаковъ (šľeb že soľu), изкони славившихся сею патріархальною добродѣтелью, о коей напоминаешь и самое имя *Радгоста*, *Радгаста*, божества Обопрншовъ, Моравцевъ и другихъ Славянскихъ племень; ему нѣкогда принесена была въ жертву голова Епископа Мекленбургскаго Іоанна, покушавшагося обратишь Славянъ язычниковъ въ Хрістіанство (d). У Воспочныхъ житейлей соль (завѣщъ соли вѣчныя) была значеніемъ ненарушимой вѣрности и швердосши союза (e) не только между господиномъ и слугами, но и между хозяиномъ и гостями или спранниками, кошорые раздѣляли съ нимъ шрапезу въ силу священнаго устава гостепріимства. Такъ правили обласшей Заевфрашскихъ писали къ Аршаксерксу: „Мы помнимъ соль, кошорую вкушали

(d) Радгосту, испребленному въ Моравіи Купидомъ и Меводиємъ, поклонялись на горѣ Госшннѣ. *Mythologie der alt. Deutsch. u. Slaven*, von H. Tschann. *Braun.* 1827. 2. *Chronica Slavorum Helmoldi Buzov*, Francof. MDLXXXI. f.

(e) *Dissertations sur les antiquités de Russie*, par M. Guthrie. à S. P. 1795. — Кн. *Числѣ*, XVIII 19.

„въ чершогохъ швоихъ (f).“ Арабскіе разбойники въ знакъ присяги ѣли хлѣбъ съ солью. Гелмольдъ описываетъ госпепріимство Обошришскихъ Славянъ словами Епископа Геролда, кошорый увѣряетъ, „что онъ и „опышомъ извѣдалъ справедливостъ слуха, „что нѣтъ народа госпепріимнѣе, какъ „Славяне, кошорые къ приняшію спранныхъ споль гошovy всѣ единодушно, что „не надобно и просишь у нихъ приема; „ибо что они ни добываютъ земледѣліемъ, „рыболовствомъ и звѣроловствомъ, все расшочають на угощеніе спранныхъ. Такаѣ щедростъ доводишь ихъ до крайности воровашъ и разбойничашъ. По ихъ закону: *что ночью добудеши, то на утро раздѣлиши странникамъ*.“ Сіе подтверждается и Маврикіемъ. Гванини свидѣтельствуетъ, что Псковичи при вселеніи Москвичей въ Псковъ, каждый предъ своимъ домомъ пославили на сполахъ хлѣбъ-соль; ибо въ Москвѣ хлѣбомъ означалась ласка, а солью милосць.“ Они шѣмъ умилошвили грознаго Іоанна, кошорый уничтожилъ

(f) Т. Еадг. IV. 14.

Псковскую Спарину. Кнапскій (Ад. 60) говоритъ, что „хлѣбъ у Рускихъ служишъ символомъ дружбы: прошу хлѣба (соли) кушашъ; я у него хлѣбъ ѣлъ: слова сїи „у разбойниковъ въ Россіи свяшо храняшся; „ибо они пѣхъ оспавляющъ невредимыми, у „кого хлѣбъ соль ѣли (g).“ Хлѣбосольство у Рускихъ связывало и поддерживало между соопечесшвенниками, сосѣдами и родными совѣшъ и любовь: *хлѣбъ соль*, говаривали они, *взаимное, отплатное дѣло*—*Хлѣбъ-соль не бранитъ — Кинь калачъ (хлѣбъ-соль) на лѣсъ, пойдешь, найдешь*. Основывалось же хлѣбосольство не на похлѣбствіи и приспращіи, а на общеніи душевномъ и прямодушіи, такъ что *Хлѣбъ-соль кушай, а добрыхъ людей слушай*, или *Хлѣбъ - соль кинь, а правду канъ рижь*. Такъ какъ признашельность предполагашъ въ человѣкѣ чувствительность, праводушіе и честность: несему она и поспавлялась выше благошворенія: *Спасибо тому, кто поитъ да кормитъ*,

(g) Słownik Języka Polskiego p. S. D. Linde. t. 1. Warsz. 1864. 4.

а вдвое тому, кто хлѣбъ - соль помнитъ. Хлѣбосольствомъ славилась и даже донынѣ славятся не только частные дома, но и многія св. обители; въ однихъ охотно принимались и угощались приѣзжіе, а въ другихъ давалась пища и приспанище опранныхъ, особливо въ праздники. Въ Стоглавѣ, гл. 52, о Троицкой Лаврѣ сказано, что въ ней „госпи „безпрестанный день и ночь.“ Онь сего по челоуѣколюбиваго и благочестиваго обычая произошла доселѣ сбыточная только въ нашемъ опечесствѣ поговорка: *На Руси еще отъ голода никто не умираѣ* — въ томъ смыслѣ, что и бѣднѣйшій всегда получалъ посильную помощь онь бѣднаго и богатаго, раздѣляя скудную пищу перваго и питаясь онь избытковъ послѣдняго. Доброхотство соопчицей совокупными силами помогало убогому, такъ что *съ міру по ниткѣ елому рубаха.* И теперь еще поселене, живущіе вдали онь селмицъ, за грѣхъ себѣ считаяють брать деньги съ прохожихъ и проезжихъ за хлѣбъ, соль и по-

стой, вмѣняя себѣ въ священную обязанность угостишь спранника *хлѣмъ Божъ послалъ*, или *хлѣмъ богати, тѣмъ и ради*; ибо, по ихъ мнѣнію, кто за хлѣбъ-соль и ночлегъ беретъ съ спраннаго, у шого *спорыныи въ домъ не будетъ*. Владиміръ Мономахъ учишь дѣшей своихъ: „И болѣ „же чпшише госпъ, ошкуду же къ вамъ „придешъ, или проспъ, или добръ, иль соль „(посоль), аще не можеше даромъ, — браш „номъ и пишемъ; ши бо мимоходячи просла- „вяшъ человекъ по всѣмъ землямъ любо „добрымъ, любо злымъ.“ Самымъ же обиднымъ упрекомъ въ неблагодарности было слово: *Ты забылъ мою хлѣбъ - соль*; въ такомъ же смыслѣ у древнихъ Грековъ говорилось: *ἀλλὰ καὶ τράπεζαν παραβαίνειν*, *т. е. нарушишь право соли и прапезы*.

Первымъ образцемъ госпепріимства и хлѣбосольства были самые Государи для народа; они въ праздники и при шорже-спвенныхъ случаяхъ *поднимали*, какъ говорится, *пиръ на весь міръ, пиръ горою*. Преподобный Несторъ свидѣтельствуетъ, что В. К. Владиміръ: „Творяше людемъ

„своимъ по вся недѣли : оуспави на дворѣ
 „гридѣницы пиръ швориши.“ О пирахъ се-
 го внука стараго Игоря сказано въ Ма-
 кар. Миней рукоп., чшо „памяти Свяшыхъ
 „въ церквахъ шворяще пѣніемъ и молишва-
 „ми, и праздноваше свѣшло праздники Го-
 „сподскіе, и при прапезы поставляше: пер-
 „вую для Мишрополіша съ Епископы, съ чер-
 „норизци и с поны, вшорую нищимъ и убо-
 „гимъ, претшю себѣ и бояромъ своимъ.“ Спа-
 ринная народная пѣсня, помѣщенная при
 Игоровой п. М. 1800, такъ описываетъ
 намъ пиршесства Владиміровы :

Во славномъ городѣ Кіевѣ,
 У Князя у Владиміра,
 У Солнышка Свяшославича,
 Было пированіе почешное,
 Почешное и похвальное
 Про Князей и про бояръ,
 Про сильныхъ могучихъ богатырей,
 Про всю поляницу удалую и пр.

О гостепріимствѣ Ярославова двора упомина-
 ютъ многіе иноспранные испорики (h). Внукъ

(h) Между прочимъ *Bilmark Histor. reg. Holmgard.*
 Абоас. 1766, слѣдующее : *Iaroslavus aulam suam*

Мономаховъ Изяславъ въ 1148 г. далъ Новгородцамъ на городищѣ пиршесство, кошорое раздѣлялъ и самъ съ народомъ. О другомъ обѣдѣ народномъ въ Кіевѣ 1195 г. читаемъ у лѣтописцевъ нашихъ. Церковные и народные праздники во многихъ мѣстахъ Россіи сопровождающа пиршесствами и ярмарками или сборами, каковы напр: въ Переславлѣ *Купальница*, въ Саранскомъ *Лада*, въ Звенигородскомъ уѣздахъ *Пятница Берендѣва*, и пр. (i). На сіи пиршесства, по большей части прехднєвныя, собираются родные, знакомые и спорєнніе, особливо въ селєніяхъ, гдѣ религія и торговля, родство и госпєпріимство оправдываютъ вполне ешаринную поговорку: *На нашей улицѣ праздникъ!* У языческихъ Славянъ, по

ita construxit, ut regias eidem magnificentia pares per septentrionem hoc aevo inveniamus omnino paucas. Ad illam proinde principes quilibet adversa fortuna pressi, confluerunt.

(i) Въ Академ. извѣстіяхъ на 1781 г. стр. о *ярмаркахъ*.—Истор. Геогр. Топогр. и Полит. описаніе Переславля Залѣскаго, соч. И. Дмѣтѣвскаго. М. 1802. г.

„свидѣшельству Гельмолда, по совершении
 „жертвоприношеній, народъ предавался пир-
 „шествамъ и веселью, при коихъ обносятъ
 „круговую чашу съ заклинаніями именемъ бо-
 „говъ (k).“ Въ праздники прекращающся всѣ
 пруды: *День святъ и дѣла спятъ, а для*
хазиниковъ и бражниковъ живетъ много
праздниковъ. Въ Шенкурскомъ и Вель-
 скомъ округахъ, къ приходскимъ праздни-
 камъ, подобно другимъ мѣшамъ, варятъ пи-
 во, называемое *кануномъ*, и гошоваютъ много
 разнаго кушанья; за споломъ, къ коему при-
 глашаются и знакомые и незнакомые, тогда
 пьютъ круговую брашину пива съ приго-
 воромъ: *Празднику гостному златъ*
вѣнецъ, а хозяину доброе здорovie!
 Также въ Бѣлоруссіи и Ливъ ежегодно
 отправляются праздники въ память
 построения церкви приходскихъ, кои
 имѣя свои пасѣки (пчельники), варятъ съ
 хмѣлемъ и разными кореньями медъ, кошо-
 рый и продается въ день праздника посе-

(k) Chronica Slavorum, s. Annales *Helmoldi* Presbyteri Buzoviensis. Francof. MDLXXXI.

лянамъ, а вырученныя деньги идуть въ церковь. Мѣсто, гдѣ продается ешошъ напшпокъ, называется *кануномъ*. Сія праздники, подобно другимъ сельскимъ: *дожинкамъ*, *оборкамъ*, *дѣськамъ*, *толокамъ*, сопровождающа всельями (1). Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ дозволено было свободно народу пировать въ кабакахъ на Свяшой недѣлѣ и въ Рождество Христово, а въ Пермской Усшавной грамотѣ 1555 г. „въ году шри недѣли пишья вариши и пиши: недѣля Великоденная, другая въ осень „Дмишріевская; шрешья въ зимѣ Роже-„сшвенская (ш).“

Хошя Руская пословица и говоритъ, что *Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ*, но другая свидѣтельствуетъ, что *То не спасенье, кто пьянъ въ Воскресенье*. Первая пословица опшчасш согласна съ мнѣніемъ Коллинса, что „пьян-„сшво у Рускихъ счищается за сильнѣй-

(1) О народныхъ Рускихъ праздникахъ будешъ предложено мною въ особой книгѣ.

(ш) *Харамз. Н. Г. Р. IX. кр. 161.*

„шее выраженіе радости.“ Герберштейнъ, Олеарій, Принцъ Буххавскій, Флешчеръ и другіе путешественники въ Россіи, говоря объ извѣстномъ обычаѣ нашихъ предковъ подчивашъ и даже неволишъ своихъ гостей до упоенія, которое считалось прямымъ угощеніемъ. У праздника два невольника — гласишъ старинная пословица — *одному хочется пить, да не на что купить, а другаго подчиваютъ, да не хочется пить.*

Употребленіе горячихъ напитковъ сколько заиралось въ молодыхъ людяхъ, сколько перпѣлось обычаемъ въ возмужалыхъ и спарикахъ, между которыми не почишалось за порокъ подгуляшъ временемъ, особливо въ припешельской бѣсѣдѣ, на пирѣ, въ праздничный день. *Пей за столомъ*, гласишъ пословица, ш. е. при добрыхъ людяхъ, *а не пей за столбомъ*, ш. е. шайкомъ. Лѣтописи наши свидѣтельствуютъ, что и самые Великіе Князья на съѣздахъ и торжественныхъ нирахъ имѣли попойки; на одной изъ нихъ въ Иодахъ (и садахъ?)

убишы были Князя Рязанскіе. В. К. Василій III, по старой поговоркѣ, *Потерялъ гестъ хмѣлемъ*, проигравъ битву при Суздаль; а другая поговорка: *За Пьяною пьани*, напоминаешь о поражении Татарами и Мордвою Князей Нижегородскихъ, которые исплошились, пьяные съ дружиною своею предавшись веселью на рѣкѣ Пьянѣ. Лѣтописи наши говорятъ о шаковыхъ же пиршесѣвахъ Іоанновъ III и IV; а Пешрей Шведъ (n) увѣряешь, будто отправленный къ Карлу IX Московскій посолъ въ 1608 г. опился въ Шпогкельмъ. Кому не извѣстно наказаніе у Пешра I *орломъ* (большимъ кубкомъ), который должно было выпить виноватому). Преданія и поговорки сохранили воспоминаніе о монгольскихъ *красовулахъ* (o), какія вкуша-

(n) Historien u. Bericht von dem Großfürstenthum Muschow durch Petrum Petrejum de Erlesunda. Lipsiae. an. MDCXX. 4.

(o) Красовула происходитъ отъ Греч. *κραβοῦλον* (*крабѣ* вино, смѣшенное съ водою) сосудъ съ виномъ. *Ducangii Gloss. med. et inf. Graecitatis.*

лись во дни разрѣшенія вина и елея, ради
 братскаго утѣшенія, какъ сказано въ
 Уставѣ, и ради стомаха и чистыхъ
 его недуговъ. Въ другихъ же обителяхъ
 запрещалось держашъ вино, кромѣ Фряж-
 скаго, и крѣпкіе меды, а въ Соловецкомъ
 монастырѣ пили на пражезѣ и заздравную
 чашу медвеннаго квасу (р). Царь Іоаннъ
 Васильевичъ пишетъ, что „по всѣмъ мона-
 „спырямъ (Рускимъ) сперва Начальники
 „уславили крѣпкое житіе; — да болре
 „свой любоспраситные уставы ввели; — у
 „Троицы подчивающъ множество, а сами
 „чувственны (воздержны) пребывающъ“ (q).

На одной серебряной чарѣ, храня-
 щейся въ Моск. Обществѣ Исп. и
 Древн. Росс., изображена слѣдующая над-
 нись, какія встрѣчаются и на снаринныхъ

(р) Рукоп. бумажная Типикъ обители Боедержк-
 шелевы, сущей Понша Оксана Соловецкаго
 Опока Лауры Преп. и Богом. ошецъ нашихъ
 Зосимы и Саввастія, вложенный въ оную 1658
 г. Никономъ Патріархомъ, въ 4.

(q) Его посланіе въ Куріал. мон. въ IV ч. Исто-
 ріи Росс. Іерархіи.

брашинахъ, кубкахъ, спонахъ: „Чару
 „пишь здраву бышь; повшоришь, умъ воз-
 „веселишь; ушреишь, умъ устроишь; много
 „пишь, неспройну бышь.“ Прежде нежели
 Рускіе въ XV в. познакомились съ хлѣбнымъ
 виномъ, кошорое, по словамъ одного ино-
 страннаго историка, „сдѣлано изъ сердець
 „и языковъ“ (г), они пили крѣпкіе меды
 спавленные, воронокъ, пиво бархашное, сы-
 ченое и брагу; пьянство вообще называли
хмѣлемъ, на кошорой довольно есть посло-
 вицъ, охуждающихъ и оправдывающихъ оныя,
 какъ видѣли выше. Со временъ Царя Іоанна
 Васильевича сдѣлались извѣстными кабаки
 и кружалы для продажи хлѣбнаго вина,
 кои по урочищамъ и по лицамъ болѣе
 женскаго пола, получали разныя названія;
Большой Царевъ кабакъ, оглашаемый въ
 пѣсняхъ и припоминаемый въ поговоркахъ
 проспонародныхъ, былъ въ Москвѣ на
 Балчугѣ, у Каменнаго Мосща, гдѣ нынѣ ка-
 зенный винный дворъ; Пестровское кружало,

(г) Період. сочиненіе о успѣхахъ народ. просвѣ-
 щенія, No XXXVI. С. II. стр. 19.

любимое пристанище разбойницы Таньки Роспокинской, и донинѣ слывешъ въ Москвѣ Ташьялкою; при выѣздахъ изъ города и у заспавъ нѣкоторые называющіяся пиштейные, или кружечные дома *растанями*, опъ прощанія и разспаванія, при коихъ разешающіеся пьюшъ на проводахъ. Извѣстно присловье *Адмиральскій часъ*, напоминающее обычай Основашеля Россійскаго флота: въ одиннадцатъ часовъ ушра послѣ шрудовъ пишь водку съ сошрудниками своими не рѣдко въ *Аустеріи* (авшперіи и ишперіи), какія при немъ основаны въ Москвѣ и С. Пешербургѣ (s). Когда въ корчмахъ игрывали въ зернь: шогда говаривали: *Зернь любитъ шмль*,

s) Названіе сіе пиштейныхъ домовъ произво-
дятъ отъ Нѣм. *Gasterey*; но можно шакже
объяснишь и Греч. словомъ *ἱστῆριον*, вмѣсто
ἑστιατήριον, *triclinium*, *locus epulationis*. По
любимому Рускими сближенію и, шакъ сказашь,
подъигрыванію подъ чуждыя слова, произво-
дятъ *Истерію* отъ *истерлія*, шрашмы. Въ
Москвѣ одна была до 1754 года *Аустерія* у
«уралшныхъ ворошъ въ шомъ домѣ, гдѣ ош-
срышъ Москов. Университешъ, а другая на

а когда вошли карны въ Россію: тогда произошла и пословица: *Карты хмль любятъ*. Любя болѣе веселья въ сѣмейномъ кругѣ, предки наши гнушались кружалъ, въ кои воспрещалось ходишь болѣе сныдомъ, чѣмъ закономъ.

Фиглярство, фокусы и забавы въ Россіи были извѣстны болѣе подъ названіемъ *скоморошества*, которое вроятно перешло изъ Греціи, какъ показывается самое слово *бѣбма* шушка, забава. — Гванини свидѣтельствуетъ, что *скоморохами* въ Москвѣ именовали вожающихъ медвѣдей (t). Изъ по-

Никольской улицѣ, гдѣ по преданію содержалъ оную Грекъ Цареградскій. *Истерією* (или *Аусперією*) слывешъ до нынѣ крайній проходъ по Скорняшному ряду отъ Ильинки на Никольскую, гдѣ теперь харчевни и лавки. Въ С.-Петербургѣ, по свидѣш. Голикова (Д. II. I; II ч.), были учреждены Петромъ I два знашныя питейные дома, *Ласперін*, гдѣ содержались разныхъ соршонъ и вкусовъ водки, порученныя въ смощрѣніе лучшимъ изъ купечества. (p) Сшоглавъ, г. 41.

(t) Niedźwiedników w Moskwie *skomorocharmi* zowią. *Guagn.* 531. „1571 г. поѣхалъ наъ Новогорода

Словицѣ видно, что скоморохи были плясуны и гудочники, какъ то: *Всякъ пляшетъ, да не какъ скоморохъ, или Скоморохъ голосъ на гудѣхъ настроить умѣетъ, а житья своего не установитъ.* По древнему обычаю языческому (Еллинскому), на могилахъ при поминкахъ плачь смѣнялся плясками и рукоплесканіями, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Спсоголава, гл. 41—44: „Въ Троицкую субботу' сходящися „мужи и жены на жалыникахъ (мѣстахъ погребенія) и плачушея по гробомъ съ великимъ кричаніемъ, и егда начнутъ играше скоморохи, гудцы и прегудницы, они же ошъ плача преславше, начнутъ скакаши и плясаши и въ долони биши на шѣхъ жалыникахъ.“ Изъ сего заключить можно, что скоморохи такую же должностъ и въ XVI вѣкѣ исправляли у Рускихъ, какую у Римлянъ при похоронахъ *tibicines et fidicines*. Не было ли то оспашками древней приизны?

„къ Москвѣ Субоша и съ скоморохами и медвѣдами.“ Арх. Новг. Л. Карамз. М. Г. Р. IX. пр. 322.

Вашаги скомороховъ скишались въ Россіи по деревнямъ, опивая и объѣдая просподушныхъ земледѣльцевъ, и даже грабя по дорогамъ (и). Кому не извѣстно, что при Дворѣ Россійскомъ долго находились, по примѣру Европейскихъ дворовъ, шушны и даже изъ значительныхъ особъ; на нихъ есть довольно поговорокъ и пословицъ, на пр: *Шути, да оглядывайся — Шутка не погудка — Шутку шути, а людьми не муди — Шутя, люди медъ пьютъ.*

Время снѣняющее одни обычаи другими, опличало оными разныя эпохи бытія Рускаго народа; воспоминаніе о мннувшихъ обычаяхъ соединилось съ историческими воспоминаніями, съ нравственностію и просвѣщеніемъ онаго, часто выражался въ пословицахъ — своихъ представившеляхъ.

и) Карамз. И. Г. Р. IX. стр. 462. *Прозогъ*,
Мая 16, иѣкій скомрахъ бѣ.

Характеръ народа, состоящій въ наклонностяхъ и навыкахъ, не что иное есть, какъ особливые признаки, чрезъ кои одинъ народъ отличается отъ другаго; сии признаки, не только видны въ умственныхъ и нравственныхъ свойствахъ, но и во всей его внѣшности (v). Привычныя дѣйствія суть наружныя черты сей нравственной физіогноміи человека и народа. Хотя въ одномъ племени встрѣчаемъ различныя нравы частныхъ людей и противорѣчущія одно другому свойства; однако нельзя изъ сего заключить, чтобы цѣлый народъ не имѣлъ никакого характера и своихъ нравовъ; потому что они въ совокупности составляютъ особенныя и отличительныя свойства, какими разнятся Рускіе древніе и новые отъ другихъ народовъ, такъ что, по мнѣнію нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей, они не похожи на другія Европейскія націи. Сколько

(v) Въ Пропов. Дамаскина съ 1775—1782. М. 1783. пропов. V. о поправленіи народнаго характера.

время, мѣсто и подражаніе ни измѣняли са-
мобытность Рускихъ нравовъ ; но черпы
споль сильно въ нихъ проведены природою,
что всегда оспающа замѣтные слѣды и въ
языкѣ и въ поступкахъ, часно выражаясь
при разныхъ общошшельствахъ, коими онѣ
вызывающа.

Выше сказали мы, что нигдѣ споль
ласшвенно не проявляюща духъ и харак-
теръ народа ; какъ въ его пословицахъ и
поговоркахъ : то и здѣсь постараемся вы-
вести хоша нѣкоторыя очерки Рускихъ
нравовъ изъ сего живаго источника.

*Гдѣ добры съ народъ нравы , тамъ
хранятся и уставы* — гласишь посло-
вица Руская , полагающая швердою осно-
вой законамъ нравы ; доброша и чисноша
оныхъ вмѣстѣ съ благоговѣніемъ къ вѣрѣ
пишающъ шопъ духъ порядка и подчинен-
ности , кошорый упрочивающъ общешшвен-
ное и сѣмейшшвенное благоденшвіе шѣс-
нѣйшимъ соединеніемъ одного съ другимъ.
У древнихъ Римлянъ добрые нравы и
ушавы предковъ служили источникомъ
законовъ ; между прочими добродѣтелями

обожая честь, они почитали ее знаменіемъ нравственнаго бытія народа и сохраницею добродѣтели (w).

Источникомъ честности въ словахъ и дѣлахъ — честь, какъ сродное человѣку стремленіе удерживать за собою нравственное свое достоинство: она можетъ быть вѣншею и внутреннею, частною и общею. По различнымъ отношеніямъ человека, съ нею соединяющіяся различныя понятія: честь у воинственнаго народа заключается въ славѣ, а у торговаго въ довѣренности; честь мужчины въ мужесствѣ, а у женщины въ цѣломудріи. Какія по времени, мѣсту и лицамъ значенія соединяли Рускіе съ ешимъ словомъ, споль могущественнымъ — они скажутъ намъ своими словами.

Почитая доброе имя главнымъ оплотеніемъ жизни человеческой, предки наши

(w) Такой союзъ представляетъ намъ храмъ Honoris et Virtutis, сооруженный Марцелломъ по завоеваніи Сиракузъ. *Cic. in Verr. IV. 54.*

говаривали : *Береги честь съ молода , а здоровье подъ старость . Новгородская честь и Новгородская душа* , шакъ равно *Исковское крпкое слово* замѣняли кляшву и обратились въ поговорку . Сколько у предковъ нашихъ уважалось *честное слово* , какъ залогъ *доброй совѣсти* , то извѣстно изъ преданій , грамошъ , лѣтописей , законовъ и слѣдующихъ пословицъ : *Слово законъ — До слова крппись , а давши слово , держись . Упошребительное , вѣсто увѣренія и божбы , рѣченіе Право велико слово* , было древнею формулой при рѣшеніи пѣжбъ и споровъ . Еще при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ писалось въ записяхъ или заключаемыхъ договорахъ : *А кто не устоитъ , тому да будетъ стыдно , или А кто попытится , А буде я не едержу своего слова , да будетъ мнѣ стыдно .* У Германцевъ , какъ видно изъ Швабскаго и Саксонскаго уложеній , пошъ признаваемъ былъ *безъ чести* , кшо не носилъ оружія и не ходилъ на войну . Также у древнихъ Рускихъ *чешъ* принималась въ смыслѣ военной славы , заслуги и

благородства. Въ Псковѣ на мечѣ, лежащемъ при гробницѣ Гавріила, начертано: *Нопогет меиш немині дабо, ш. е. чести своей никому не опдамъ (х)*. Издревле Рускіе добывая славу оружіемъ, утверждали, что *За честь голова гинетъ и Честь и слава законно воюющимъ*. Буйшуръ Всеволодъ въ Игор. пѣсни говоритъ о Курчанахъ, что они „ищущъ себѣ чти, „а Князю слава“ (у). Такъ какъ честь для нихъ была выше всего: шѣ онѣ предпочитали смерть безчестию. „Не посрамимъ землѣ Рускіѣ, зываешъ Свяпославъ „къ дружинѣ своей, но ляжемъ костью: „мершвыи бо срама не имамъ.“ Подобно ему и Псковичи говорили въ опчаянной битвѣ съ Нѣмцами: „Не посрамимъ опецъ „своихъ и дѣдовъ! пошатнемъ“ и пр. Ощеческое правленіе Государей нашихъ опира-

(х) *Карамз. И. Г. Р. II. пр. 266.* Долуга Хо-даковскій присвоиваешъ сей мечъ Довмоншу, а на Гавріиловомъ иѣшъ надписи. — VIII. епр. прил. 145.

(у) И се наша честь и слава. „*Никон. Л. III. 52.* — „Въ смявешъ и во чти.“ *Дресн. Висліое. I. 181.*

ясь на праошеческихъ правилахъ, держало Государство *ерозно, чисто и честно*, ш. с. крѣпко, ненарушимо, уважительно; ибо они думали, подобно сшариннымъ Нѣмецкимъ законодащелямъ: *Что ерозно, то и честно*, (*fest und edel*, крѣпко и честно). Въ договорахъ и присягахъ ошчины Великаго Князя Московскаго Новгородъ и Псковъ обѣщались *держатъ* его имя по старинѣ *ерозно и честно*, онъ *держати* ихъ *со шти*, а не *въ соромѣ*. Съ Единодержавіа въ Россіи честь подданныхъ заключалась въ Царѣ какъ блюшпщелъ оной (z). Когда Турки шребовали у Петра I выдачи Князя Д. Каншемира; Царь ошвѣщшвовалъ: „Пошерянное оружіемъ оружіемъ и возвращаешся, но нарушение даннаго слова невозвращимо. Ошсшупишь ошъ, честни шю же, чшо не бышь Государемъ.“ (a) Съ уничтоженіемъ судебныхъ поединковъ, *безчестія*, присужаемаго закономъ, и вмѣ-

(z) Ешо выражало у Аглич: *loyalty*.

(a) Дѣяніа знаменитыхъ Полководцевъ и Министровъ Петра Великаго. соч. Д. Баншишъ - Камскаго. 2 ч. М. 1821. 8.

спѣ съ замѣненіемъ названія *раба въприв-*
подданнымъ, родились въ Россіи поединки
 своеуправные въ защиту чести, коихъ
 вредное и законопротивное понятіе пере-
 шло изъ Франціи въ XVIII в. Хотя *честь*
умъ рождаетъ; но почести недоспашотны
 безъ приличнаго содержанія: *Что наша и*
честь, коли нечего псть? Впрочемъ сія
 пословица, какъ исключеніе, не опро-
 вергаетъ общаго мнѣнія народа о чести
 въ смыслъ добросовѣстности, добраго име-
 ни, славы и заслуги; ибо *Честь*, по дру-
 гой пословицѣ, *лучше богатства*, а *че-*
сти утрата большая бѣда и честное
убожество легче стыда. Все достойное
 уваженія и драгоцѣнное называлось чести-
 нымъ, на пр: *честные родители, чест-*
ный человекъ, честная дѣвица; отсюда и
 честность принимается за нравственное
 оплечіе жизни семейной и гражданской. Та-
 кова шаринная честь личная и обще-
 ственная! Сіе слово, происходящее отъ
 глаголовъ *чтить* и *честить*, означаетъ
 также и угощеніе, какъ почестъ; что
 видно изъ слѣдующихъ народныхъ мнѣній:

Честъ приложена (госпю), а отъ убытку Боеъ избавиѣ, или Честъ честью, а дѣло дѣломъ. Лѣшоницеъ нашъ изображая угощеніе, сдѣланное Башыемъ Князю Галицкому Даніилу, говоришь пословицей: „О злѣ зла честъ Татарская!“ (b).

Если честъ влечешъ насъ въ величію, благородству, самоуваженію и добросовѣстности: то она должна бытъ неразлучна отъ поштенія къ свящынѣ, родству, старшинству и начальству; шакое почтеніе основывалось на древнемъ обычаѣ прощескомъ и вмѣстѣ на ученіи св. вѣры, какъ выше мы замѣтили; и что успроилось внушеніемъ природы, то введено въ обычай употребленіемъ, укрѣплено закономъ и освящено давностию. Начашое правленіемъ довершаешся вѣрою и просвѣщеніемъ, кои однѣ могутъ водворишь взаимную довѣренность между согражданами — утвердишь добросовѣстность и весши къ изящному соединенію испины съ благомъ въ жизни гражданской и сѣмейной.

(b) Карамз. И. Г. Р. IV. др. 45.

Угрозою совѣсти и общаго мнѣнія у Рускихъ бывалъ стыдъ, который спавился выше казни и принимаемъ былъ не только въ смыслъ срама и безчестія, но и добросовѣстности и цѣломудрія. Въ послѣднемъ случаѣ стыдъ не раздѣленъ ошъ благочестія; ибо *въ комъ есть стыдъ, въ томъ и совѣсть* — *Въ томъ и Боеъ, въ комъ есть стыдъ*; но *въ комъ ни стыда, ни совѣсти, или Кто ни Бога не боится, ни людей не стыдится*, шопъ счишался пропащимъ человекомъ. Безстыдство, какъ презрительное безчестіе, изображается также въ слѣдующихъ пословицахъ: *Стыдъ не дымъ, глазъ не выѣстъ* — *Убей (Ошнми) Боеъ стыдъ, все пойдетъ хорошо* — *Стыдъ подъ каблукъ, а совѣсть подъ подошву*, и ш. д. Какъ нѣкогда у древнихъ Римлянъ стыдъ (pudor) употреблялся въ значеніи наказанія (poena) и признанія въ винѣ (с), такъ у Рускихъ страхъ стыда дѣйствовалъ надъ просшими и добрыми сердцами сильнѣе, чѣмъ страхъ наказанія; почему и называютъ они *стыдъ смертію*;

(с) На пр: у Пласти, Mostel. 3. 4.

ибо оспыдишь или осрамишь человека въ дурномъ дѣлѣ предъ добрыми людьми то же, по мѣтнію Рускаго народа, что *головеу снять*. Въ Волынской Лѣтописи говорится, что „Кондрашъ вземъ срамъ великъ, лѣпше бы „не живъ былъ“ (d). Подобно Рускимъ, у Нѣмцевъ издревле вкоренилось понятіе о чести и безчестіи, и шопъ почишался несчастнымъ, кшо наказанъ былъ лишеніемъ чести, такъ что древнія законоположенія различныхъ Германскихъ народовъ и права обычаевъ въ среднія времена доказываютъ справедливостъ старой Нѣмецкой пословицы: *Es ist besser leben bey Ehren erhalten, als einen einzigen zum Schelten machen*, т. е. „лучше десятерымъ оставишь честь, нежели одного обезчестишь, ошельмовашъ“ (e). Пётръ I постановилъ закономъ шельмованіе. Съ его времени Нѣмецкое слово шельма, обратившееся въ брань, получило право гражданства въ Рускомъ словѣ (f).

(d) *Карамз. И. Г. Р. IV.*

(e) *Pistorii thesaur. paracet. p: 332.*

(f) *Генерал. Регламентъ 53. гл. Наказъ Екашернымъ II.*

Спыдъ и спыдливоспъ вмѣстѣ съ смиреніемъ почитались драгоценнымъ украшеніемъ юношества обоего пола и душою супружеской жизни. *Смиренье*, по пословицѣ, *дѣвигье ожерелье* и *Смиренье молодцу ожерелье*. Выше мы замѣтили, что ушавы предковъ и зашворы шеремовъ охраняли *стыдъ дѣвигій*, который, по шаринному предубѣжденію, былъ до порога. Герберштейнъ, въ XVI вѣкѣ, увѣряетъ, будто у предковъ нашихъ „вся честь женщины, особливо дѣвицы, пославлялась въ „шомъ, чѣобы имъ не бысть видимыми опъ „поспороннихъ людей и чѣо женщина или „дѣвица невозвращно шеряда доброе имя, „если ее видѣлъ какой нибудь поспоронній мущина, кромѣ ошца и мащери, да „близкихъ родныхъ.“ Обычай, и суевѣрное мнѣніе, чѣо лихой, нечисшой глазъ можешъ изурочить, сглазить красныхъ дѣвицъ, держало ихъ, подобно сокровищамъ, въ шансшвенномъ уединеніи и произвело пословицу: *Видѣна дѣвка мѣдана, а невидѣна золотал.*

За *тремя*, какъ говоришся, порогами живши дѣвицы, изъ перема своего черезъ церковь переходили въ домъ мужа, избраннаго волею Божьею и родительскою на *всю его волю*. Таковы были нравы до XVII вѣка, когда власъ мужа надъ женою опчасни соопвѣшпствовала власи Царя надъ подданными; и ушверждалась успавами Церкви, именно Пошребникомъ: „Жену свою люби, „и наказывай почаспу; аще ли не слушаши „начнешъ, и пы жезломъ наказывай полег- „ку“ (g). Какъ Ташарское владычествво, о коемъ наминаюшъ намъ и мѣспѣ: *дѣвицы поля и бабы егородки*, вмѣспѣ съ пословицами и преданіями, такъ равно и сближеніе съ Нѣмецкими нравами могло измѣнишь судьбу женскаго пола, измѣняя древніе обычаи и нравы, а вмѣспѣ съ ними и нравспвенносъ народную. Но съ XVII вѣка, когда спали вводилъ Рускими Государями Нѣмецкіе обычаи: тогда для одного священ-

(g) Пошребникъ, 1652. М. лѣсшъ 177. По чиноположенію жениху давался золотой, а невшѣ жельзмой перстень; вѣрошно, одинъ означалъ солнце, а другой ошлодошворленую имъ землю.

наго гостепріимства нарушался сей обычай Воспока и погда, по сказанію Пешрея (h), иногда жена съ дочерьми подносила гостямъ, по приказанію своего мужа, чару водки, или кружку пива и меду. Олеарій вмѣспѣ съ Корбомъ увѣряешъ, что жена не только должна была подносишь напитки, но и поцѣловашъ почешнаго гостя. Сіе опсшупленіе опъ снариннаго обычая ревности извиняешся и присловіемъ, вѣрояшно, опносившимся къ ещому нововведенію: *Поцѣлуй въ пазуху не лезетъ*.

Нарушеніе жъ женскаго стыда и цѣломудрія счишалось величайшимъ пресшупленіемъ, позоромъ и соромомъ. Рязанская Княгиня Евпраксія, по убіеніи супруга своего Башыемъ, *заразилась* (убилась); свергнувшись съ высокаго шерема для избѣжанія насилія варвара, ею плвненнаго; Владимірская Княгиня Агаеія съ дочерью и снохою предпочли лучше сторгъшь въ Успенскомъ Соборѣ (i),

(h) Historien u. Bericht von dem Großfürstenthum Muschlow, durch P. Petrejum de Erlesunda. Lipsiae. 1620. 4.

(i) Харамъ. И. Г. Р. III. стр. 223.

нежели предашь себя на поруганіе Ташарь. И 1812 года двѣ дочери Священника Марка въ Москвѣ бросились въ рѣку опъ преслѣдованія враговъ, покушавшихся на ихъ непорочность (k). Рускіе согласно съ древними Римлянами и Германцами думали, что женщина съ упрямую чести своей все перелетъ и, по скользкому наклону порока, можетъ опважиться на всякое пресуупленіе и между прочимъ особенно на колдовство, ш. е. на изводъ поспылыхъ себѣ мужей и привораживаніе милыхъ (l). Одни говорили, что прежде нежели женщина предася распущству: *научись колдовать*; другіе, что *Nulla adultera, non eadem est venefica*, (m) ш. е. что прелюбодѣйка, шо и колдунья; а послѣдніе, что *Junge Huren, alte Wettermacherinnen*, ш. е. молодыя распущницы бываютъ въ

(k) При церкви С. Софіи, въ среднихъ садовникахъ; несчастныя, но мужесквенныя дочери его Евдокія и Екашерина погребены на Калешинскомъ кладбищѣ.

(l) Это назыв. въ народѣ *люблю*.

(m) *Quiaquil. V. 11. 9.*

старости колдуньями (я). Изъ посланія Фонтія Мишрополіша 1410 г. запрещается при-
 „нимаешь *лихихъ бабъ съ узлами*, ни при-
 „молвленія, ни вороженія.“ А изъ посланія
 Игумена Елеазарова монашыря Памфила
 „въ XV в. видно, что жены на Ивановъ
 „день (23 Іюня) жегали дивид коренья на
 „пошворенія мужемъ своимъ.“ Въ Архив.
 Росцов. Лѣтоп. л. 569 значится, что
 „В. К. Іоаннъ положилъ опалу на жену свою
 „Софью, о чемъ, что къ ней приходили
 „бабы съ зелиемъ.“ Въ Лѣтописяхъ встрѣ-
 чающіяся и другіе сему примѣры, а въ на-
 родѣ повѣрья о вѣдмахъ и пр.

Къ особенностямъ народа Рускаго при-
 надлежитъ обыкновенное сквернословіе,
 обратившееся въ поговорки; объ немъ Мишро-
 полішъ Фонтій въ посланіи своемъ 1410 г.
 говоритъ слѣдующее: „Учише своихъ дѣ-
 „тей духовныхъ, чинобы преспали ошъ
 „скверныхъ словесъ, чино лають опцевымъ и
 „машернымъ.“ Но едвали справедливы эти

(n) Dr. J. E. Eifenhardt's Grundsätze der deutschen
 Rechte in Spruchwörtern, 3. Aufl. Leipzig, 1823. 8.
 Книжка II. Н

многостранные писатели, которые отно-
саятъ къ развращенію нравовъ извѣстныя
бранныя слова Рускаго народа, по видимому,
противныя цѣломудрію; онѣ скорѣе мо-
гутъ бытъ приписаны трубосши и не-
въжестиву, шакъ равно и презрѣнію къ
распуштиву. Просполюдины прямо на-
зываютъ пороки насмѣящимъ ихъ именемъ,
не прикрывая обоюдностями. Ещо доказы-
вается справедливость мнѣнія, что чѣмъ
обнаженнѣе языкъ, тѣмъ цѣломудреннѣе
народъ и общино.

Съ любовію къ сѣмейной жизни сое-
динена любовь къ родинѣ и къ отечеству,
которая привязываетъ насъ къ своей землѣ,
пишетъ въ насъ благоговѣніе къ отече-
ственнѣмъ законамъ, обычаямъ и нравамъ,
представляя намъ согражданъ братьями,
а общество общою матерью, коей мы долж-
ны бытъ преданы безусловно. Въ ещомъ
чувствѣ, источникѣ гражданскихъ добро-
дѣтелей, заключающагося сладкія воспоми-
нанія о колыбели и умилительная мысль о
могилѣ на отечественной землѣ, гдѣ кости
дѣшей соединялись бы съ костями родищелѣй.

Римляне богошворили любовь къ ошечеству; Рускіе освящали сліяніемъ оной съ благошесціемъ къ Вѣрѣ и съ преданношцію къ законной надѣ собою власши. Въ Тапарскій разгромъ, при неувѣренности въ собшвенношци своей и при переходахъ крешчанъ съ одной земли на другую, могла произойши космополишическая пословица: *Хоть въ Ордѣ, да въ добрѣ*, соошвѣщшующая другой, пошожей на Лашинскую, *Всякая страна челоштку отечество*, ubi bene, ibi patria, ш. е., „гдѣ хорошо, шамъ и ошечество.“ Хошя иноплеменное иго ошчасши и подавляло въ Рускихъ сіе чувствование, шполь сродное ихъ сердцу; но не могло совершенно изшпрешш — оно скрывалось въ груди ихъ до штого времени, какъ они шпали свободнѣе дышашь на родной землѣ.

Посшоянная мысль вмѣшшъ съ словомъ любви къ ошечеству сильнѣе развилашъ у Рускихъ шогда, когда они свергнули съ себя чуждое иго, когда Единодержавіемъ, послѣ Новгородскихъ и Псковскихъ переселеній, скрѣпились части раздѣленной Россіи въ одно шѣло и когда унишожились срочные пере-

ходы поселятъ съ одной владѣльческой земли на другую. Въспѣ съ оспѣдлоспю, копорая слиша съ драгоцѣннымъ сердцу человѣческому правомъ собственности, вѣрояшно произошли пословицы: *Съ родительской земли, умри, да не сходи*, или *Донъ, Донъ; а муже домъ*, также *Гдѣ сосна выросла, тамъ она и красна*. Сколько жершвъ, принесенныхъ Рускими, оправдывающъ ихъ любовь къ ошечеству, копорое у нихъ заключалось по вѣрѣ въ благоговѣнн къ свяшнымъ ошечественной, по преданности законной власпи, въ любви къ Царю, а по привязанности къ кровной, въ уваженн къ могиламъ родишельскимъ! Тотъ хорошо зналъ народъ нашъ, кшо назвалъ его *Царелюбивымъ*. Рускіе наименовали В. К. Іоанна Даниловича за радѣнне его о Государствѣ *собирателемъ земли Руской*, К. Михаила Тверскаго *отечестволюбцемъ* (б), а Скопина - Шуйскаго *отцемъ отчества*. Грамоты Келаря Палицына суть живые глаголы любви къ ошчизнѣ. Когда Петръ I, по свидѣтельству Теофана

(о) Карамз. И. Г. Р. IV. прик. 239 и 519.

рокоповича, увѣщевалъ воиновъ своихъ
оспояшь за ошечество прошивъ много-
сленнаго воинства Шведскаго, подѣ пред-
дѣшельствомъ Карла XII, вступившаго
землю Рускую: тогда „единъ всѣхъ
былъ голосъ: Гоповы за себя, Госу-
дарь, гоповы за ошечество! мы до крове
служишели швой: или Рускими сынами
намъ бышь, или живымъ не быши намъ.“

Тогда какъ вѣра все опносила къ
оумыслу Творца — мимо оной перешед-
изъ ошдаленнаго язычества мѣніе о
е, или судьбѣ дѣйствовало на душу про-
людина. Изъ сихъ различныхъ испочи-
въ происпекли и прошивоположныя по-
ловицы. Такъ по вѣрѣ мужъ называется
икономъ, а по року суженой, кошораго
на конѣ не обильдеиъ. См. спр. 31.

Вѣрованіе въ судьбу, какъ слѣпую и безу-
ную необходимость въ мірѣ, чаще произ-
шла въ духѣ Рускаго изспупленіе и шу рѣ-
мость, съ какою онъ поступаетъ въ пред-
дѣшлѣхъ своихъ: *Бойся не бойся, а року не*
говать — Или панъ, или пропалъ —
или сына клокъ, или шлы въ бокъ —

или въ стремя ногой, или въ пень головой—или корень вонъ, или полонъ двора. Двухъ смертей не бывать, а одной миновать. Изъ шакого фапализма произошли неуспрашимосшь и ошвага, а иногда слѣпая невнимательность къ опасности и беззаботность о будущемъ: Семь бѣдъ одинъ отвѣтъ, или смерть копейка, слова нажитое дѣло и все бездѣля, шже День мой и вѣкъ мой, или ты на часъ, да вскачь и пр. „ской народъ, замѣчаешь Гр. Ростопчинъ о 1812 г., имѣешь въ нравствѣ, „и физической силѣ своей увѣренности „успѣхъ — не вѣдаешь ни препящс „ни опасностей; онъ говоритъ: Все „можно; для чегожъ не такъ? два „не умираютъ — и съ сими слова „предпринимаешь все, падаешь, или „ваешь (р).“

Допуская по сему скорѣе предположеніе, нежели ошараясь сообразить и расслишь, Рускій идетъ смѣло въ огонь и во

(р) Правда о пожарѣ Москвы, соч. Графа Ростопчина. М. 1823. 12.

спрашно избираешься на высопы и спускаешься въ глубины, идешь прямо на смерть невѣрностію, что если погибнешь? не на роду такъ написано, а чему, того не миновать (q). Въ моровое вѣспріе, случившееся въ Коспромѣ 1654 г., споль было много мертвыхъ и зараженныхъ, что сдѣлавшіеся жертвою смерти валялись по улицамъ безъ погребенія, почувствовавшие въ себѣ признаки заразы съ лучшимъ имѣніемъ пащились въ часовъ, гдѣ исповѣдавшись и причастившись, шли добровольно въ Убогій Домъ и въ ожиданіи кончины своей, ложились въ ямоу, въ коей клались трупы умер-

Многіе Браны Карнатскаго Королевства думаютъ, что у всякаго человѣка судьба его написана на головѣ; и когда спрашиваютъ у него: гдѣ это написано? они отвѣчаютъ, швы черепа суть буквы сего таинственнаго письма. *Memoires de Trevoux*, а. 1706, р. 11. Не сходно ли это съ Галлевымъ черепописаніемъ (1806 г.), которое похоже на гаданіе Древнихъ по швамъ черепа (*Craniotomie*)? — У нашего же народа есть повѣрье, что Ангелъ у всякаго на роду пишетъ его судьбу.

шихъ. Съ такимъ же равнодушіемъ приходили и другіе послѣ нихъ и, если ходили предшественниковъ своихъ умершими: шосваливали ихъ въ яму, а сами заняты были мѣста (г). Гдѣ теперь въ Московскіе уѣзды на берегахъ Яузы близъ Андроникова монастыря, тамъ, по преданію, во время Московской чумы 1771 г. было поле, на которомъ лежали тысячи очумленныхъ, живыхъ и мерзвѣвшихъ и умирающихъ. Тогдашніе колодники, назначенные Правительствомъ для прибиранія и погребенія умершихъ, почти всѣ остались живыми, и не употребляли никакихъ предосторожностей; предохраняла ихъ отъ заразы одна смѣлость и презрѣніе смерти и упованіе на промыслъ Божій. *Не столько смертей*, говорили, *сколько скорби*. Подобные примѣры видѣли мы 1830 г. во время холеры, которая ознаменована въ Россіи великодушнымъ самоотверженіемъ въ спасеніи человѣчества.

(г.) Записки М. Я. Діева изъ Нерехты.

Изъ такихъ же испочниковъ часпо
 происшекаетъ и соединенное съ какимъ-
 то самоопроверженіемъ и презрѣніемъ къ
 жизни терпѣніе Рускаго челоѣка; роковая
 необходимость онаго выражается слѣдующею
 поговоркою: *Терпи, голова, въ кости ско-*
вана! Одно только оспаетъ утѣшеніе, что
Оттерпимся и мы люди будемъ, или Тер-
пи Козакъ, Атаманъ будешь. Сія добродѣ-
 тель иногда переходила въ упорство и зако-
 сѣныіе; бывали примѣры въ судебныхъ испя-
 ваніяхъ даже XVIII вѣка въ Россіи, что многіе
 вытерпѣвали ужасныя пышки, по при пе-
 ребѣны, для того только, чтобы *поста-*
вить, какъ говорилося, *на своемъ*, или
 опплатишь за мнимую обиду и себя дока-
 зать. Но ещо изключенія, какія вспрѣ-
 тить можно у всѣхъ народовъ. Въ другомъ
 случаѣ условіями терпѣливости пославля-
 ютъ добро и покорность воли своей, разу-
 мѣи вѣръ; ибо, по пословицѣ, *Тотъ*
терпѣливъ быть не можетъ, кто воли
своей не переможетъ — Для спасенія
нужно терпѣнье — Стерпится, слюбитъ

ся. Терпѣливостъ же Русскаго доказываютъ и Лѣтописи Ташарскаго разгрома Липовскихъ, Польскихъ, Шведскихъ Наполеоновыхъ вторженій; она видна въ трудахъ его, съ какими не рѣдко онъ добываетъ себѣ кусокъ хлѣба изъ неблагодарной и упругой земли подъ суровымъ небомъ. Ту неядецъ, дармоѣдъ и міроѣдъ презрительны въ глазахъ Русскаго земледѣльца, который убѣжденъ въ томъ, что *Богъ терпѣливъ*, и что *Кто потѣетъ и не ѣстъ, да молится Богу въ клети, тотъ отъ голоду не умираетъ* (s). Но, какъ *терпя и камень треснетъ (лопнетъ)*: такъ и Рускій иногда только терпѣетъ терпѣливо, когда, что называется, за живое его задеваютъ и когда онъ вполне почувствуетъ нанесенную себѣ обиду несправедливую. Фридрихъ великій сказалъ, что *Русскій терпѣливъ до зачина*.

Вѣрованію въ случайностъ приписываются беззаботностъ, удалство, молодечество

(s) У О. Глинка въ письмахъ Руск. Офицера: Волжскія пословицы. ч. 2. стр. 178—80.

икосць, разгульство и похвальба, кои
 происходятъ въ Рускомъ сколько опъ фаша-
 лизма, сполько и опъ характера его, зака-
 леннаго въ разныхъ испытаніяхъ. Большая
 часъ народныхъ гульбищъ могутъ называ-
 ся, шакъ какъ въ Ошашковѣ, *беззаботною*
площадью (шамъ жишели собираются гуляшъ
 и прохлажашся по Воскреснымъ днямъ) Съ
 какою безпечношью Рускіе часпо преда-
 ются судьбѣ своей, съ шакою жъ разгули-
 вающъ и размыкивающъ горе, вѣра ша-
 рой пословицѣ, что *Здѣсь радость не*
вѣчна и печаль не безконечна, или *Сколь-*
ко ни жить, а обо всемъ не перету-
жить. Но шакъ какъ *смѣлость* почишалась
 вдохновеніемъ Божіимъ; ибо *смѣлымъ Богъ*
владѣетъ; *отвага*, по пословицѣ, *медъ*
пѣетъ и кандалы третъ. Вѣрованіе въ судь-
 бу обладая душою, наводишъ на нее какое-то
 уныніе и грусь, опъзывающіяся въ Рускихъ
 пѣсняхъ народныхъ и въ самыхъ чершахъ
 лица; но, по сродной человѣчешву крайно-
 сти, сія грусь переходишъ въ разгульство,
 какимъ ознаменовываются праздники и сопро-
 вождающъ пиршешва у прѣстолюдь, гдѣ

за брашиной пива и за чарою вина ка
море по колено. Въ крайности Руской
 рѣдко пускается на видимую опасность и да
 же опваживается на преспуленія съ извѣ-
 стными поговорками: *Суди меня Богъ, да*
Государь, или со временъ Петра I, *Суди ме*
ня Сенатъ, да канатъ! — Кшо преод-
 лѣвалъ великія трудности, назывался *уда-*
лымъ молодцемъ, шакъ равно и шоп-
 кшо перепивалъ другихъ на попойкѣ и
 ребивалъ на кулачномъ бою. *Удалой дол*
не думаетъ. Изъ приверженности къ соб-
 ственности, или изъ гордости народной
 происходишь: *Не доставайся!* и другая
 вредная поговорка, болѣе частная, неже-
 ли общая, болѣе насмѣшливая подобно
 другимъ, нежели правдивая: *По нашъ сплкъ*
будетъ, а по насъ хоть трава не ро-
сти. Академикъ Лепехинъ утверждаетъ,
 что сіе мнѣніе въ Симбирской Губерніи
 имѣетъ пагубное вліяніе на лѣса, кои из-
 шребляюшся безъ помышленія о будущей
 ихъ надобности (t).

(t) Дневныя Записки Акад. Лепехина. С. II. 1717.

Хотя нѣкоторые изъ чужестранныхъ писателей приписывая Руское непамяшзлобіе легкомыслію и шому, что раздражимость ихъ не управляется разумомъ, называютъ соотечественниковъ нашихъ *брадатыми дѣтьми* (bearded children); однако шрудно бытъ незлопамяшнымъ безъ великодушія и безъ вѣры, съ какими наши *брадатыя дѣти* (и) почишали злопамяшшво, подобно Грѣческимъ мудрецамъ, бременемъ для души: *Тому тяжело, кто помнитъ зло, или Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.* Издревле было на Руси слово, оправданное многими дѣлами: *Бранися, а на миръ слово оставляй* — *Добрые люди бранятся на миръ и побратавшись, сойдутся на добренькій пиръ, или Сходись, бранись; расходись, мирись.* О немиролюбіи Казанскаго Царя съ его вельможами Лѣтописецъ нашъ говоритъ, что они *не оставили слова на миръ.* Самое общеупотребительное при разсѣваніи слово *прости* выражаетъ духъ миролюбія въ Ру-

(и) Anecdotes of the Russian Empire. London. 1784. 8

скомъ народѣ и поучительное напоминаніе о послѣднемъ концѣ; оно наше тешетъ тогѣ, „помни послѣдняя швоя.“ Сколько опъ положенія, сполько и опъ характера Рускихъ, въ нихъ мало замѣтно той мщительности, какая видна въ другихъ Славянскихъ племенахъ, вѣроятно заимствовавшихъ сіе свойство опъ соседей своихъ; у насъ нѣтъ пословицы, сходной съ Морлачкою: *Кò се не освѣти, онъ се не посве-ти*, ш. е. „Кто себя не опмститъ, тотъ не посвящится.“ Илирійцы мщеніе и посвященіе называютъ *освета* (v). Рускіе напрошивъ того говорятъ: *Худой миръ лучше доброй брани* и *Брань славна лучше мира студна*, означая одною пословицей свое миролюбіе, а другою духъ воинственный и любовь къ славѣ. *Дружбу помни, а зло забывай*. Сходная у Рускихъ съ Поляками и другими Славянскими племенами поговорка: *Какъ камень въ воду* (Jak

(v) О нравахъ и обычаяхъ Славянъ Далматскихъ въ № 10 *Соревнователя Просвѣщенія*, 1818 г. С. II.

kaśen w wodę) прежде означала вѣчное забвеніе гнѣва и вражды, а теперь принимается въ смыслъ невозвратимой утраты, напр: Zginął jak gdyby kaśen w wodę wrzucił, ш. е. пропалъ, какъ будто камень въ воду бросилъ (х). Въ Древности это слово было торжественною формулой при заключеніи мира, означая, что „какъ камень исчезаетъ изъ вида, погружаясь на дно рѣки, такъ да исчезнетъ всякая тяжкая вражда, виновница непріязненныхъ дѣйствій!“ — или какъ говорятъ наши простолюдины при заключеніи мировой: *Быть такъ: всѣ бѣси въ воду, да и пузырья въ верхъ* (у)! Съ прекращеніемъ сего обычая, слово получило другой смыслъ. Въ Римско-Католической церкви между обрядами издавна былъ извѣстенъ lapis pacis, камень мира (z). И древніе Римляне при договорахъ своихъ клялись, держа камень въ рукѣ, и бросали оный, убивъ

(х) Przysłowia narodowe. K. W. Woycickiego. Warsz. 1830.

(у) Труды Общ. Исш. и Древн. Росс. ч. IV, стр. X.

(z) Ducangii Glossarium med. Latin.]

свинью съ слѣдующимъ заклинаніемъ: Si
 „sciens fallo, tum me Diespiter salva urbe,
 „arceque, bonis ejiciat, ut ego hunc lapidem,
 „ш. е. Если завѣдомо обманываю: по, какъ
 „я кидаю сей камень, шакъ пусшь выки-
 „нешъ меня Юпишерь (Свѣшодавецъ) изъ
 „всего города, крѣпосши, и лишишь меня
 „нмущесства!“ (а). Мимоходомъ замѣшимъ
 здѣсь, что, по древнему Требнику, спикляни-
 ца, изъ коей по чиноположенію вкушали
 брачующіася, должна бышь разбиша и
погружена съ камнемъ въ воду (б). Осно-
 вываясь на словахъ Св. Евангелія, ерети-
 ковъ и богоотступниковъ *бросали съ кам-*
немъ въ воду: чему въ XII в. под-
 вергся Феодоръ Ростовскій. До временъ
 Екашеринны Ц, разбойники Брянскихъ
 лѣсовъ навязавъ прохожимъ, попавшимъ
 имъ въ руки, камень на шею, бра-

(а) *A. Gellii* N. A. I. 21. de Jove lapide. Ползвій,
 III. 25. назыв. сей обрядъ: ὄρκος ὀβία λίθου,
 клясться Юпишеровымъ камнемъ.

(б) Потребникъ, печат. при Патріархѣ Іосифѣ,
 въ Москвѣ 1652 г. — *М. Платона* крацка Церк
 Росс. Исторія: М. 2 ч. 1809.

сывали ихъ вилами, на дорогѣ изъ Рославля въ Брянскъ съ мѣловой горы въ Десну, приговаривая: *Не мы тебя бросаемъ, а вы-лы. Бросить камень въ воду* значить также: сдѣлать затрудненіе, препящивіе. см. 1 ч. сей книги.

При забвеніи зла, Руской любишь хранишь воспоминаніе о доброй спаринѣ своей и не охотно принимаетъ *новизны*, въ коихъ его пословица подозрѣваетъ *кривизны*.

Замѣчаемая въ жишѣ-бышѣ и нравахъ проспоша, въ спарину и даже въ новѣйшія времена у Рускихъ, особливо между просполюдинами смежна съ доброшою, умѣренносцію, но не разлучна также и съ грубосцію, подѣ обликомъ коей иногда являющся намъ добродѣтели и мнѣнія народныхъ, выражаемыя пословицами. При удаленіи себя отъ прихошей и причудъ роскоши, опросшаніе сердца отъ лукавства и крамольныхъ спрасшей, чистота совѣсти и нравовъ есть истая Руская проспоша, прекрасная и подѣ сѣрымъ кафшаномъ, любезная и подѣ соломенной кровлею убогой хижины, не рѣдко достойной сожитія Ангеловъ, но.

Книжка II. Л

пословицѣ : *Гдѣ просто , тамъ Ангеловъ со сто , а гдѣ хитро , тамъ ни одного.* „Въ проспошѣ сердца , какъ говаривалъ М. Пляшонъ , Богъ опочиваетъ.“ Проспоша принимается въ смыслѣ *чистоты* — *полованъ спасенья* — копорая , по пословицѣ , *Человѣка къ Богу приводитъ*. Та и другая водворяя въ сердцѣ покой , а въ сѣмѣ совѣшъ и любовь , надѣляла благоденствіемъ и долговѣчноспію; пошому чшо *Кто живетъ просто , тотъ проживетъ лѣтъ со сто*. Проспоша въ смыслѣ оплошности *хуже воровства*; однакожь и на всякаго мудреца живетъ довольно *простоты*.

При сангвинико - холерическомъ темпераментѣ съ примѣсью меланхолическаго , какой замѣчается въ большей части Рускихъ , они имѣють не много пошребностей , и шѣ умѣренныя и безъ причудъ ; малымъ довольны въ жишѣ-бышѣ своемъ , шакъ чшо , по ихъ же слову , для счастья нужно только : *Хлѣба съ душу* (ибо *душа всему мѣра*) , *денегъ съ нушу* , *платья съ ношу* : они любили *жить въ тѣснотѣ* ,

да не въ обидѣ; имѣть избу не красну углами, да красну пирогами. По старинному повѣрью, Кто малымъ доволенъ, тотъ у Бога не забытъ; почему въ народѣ ведется молишвенный приговоръ: *Напитай, Господи, душу малымъ кусомъ!* Хотя Рускіе прослоудины, по стягоснымъ трудамъ и суровому климашу своему, употребляютъ пищу, соразмѣрную пому и другому; однакожь обжирство почишаютъ за грѣхъ, шакъ равно несвоевременную ѣду и лакомство; ибо, по ихъ слову, *брюхо добра не помнитъ*. Одни только праздники служащъ сему исключеніемъ. Въ нуждѣ прослоудинъ часно можетъ пробавляшся весьма малымъ количествомъ простой и грубой пищи, и ѣсть однажды въ день: *Не до жиру, а быть бы живу — Не вѣяный хлѣбъ не голодъ, а посконная рубашка не нагота.*

Извѣдавъ пошомъ и кровлю цѣну хлѣба, онъ дорожишъ каждою крошкой онаго; признавая его даромъ Божиимъ и называя своимъ отцемъ, онъ за грѣхъ считаешъ приняшся за него, какъ бы за святыню, неумышлыми руками и безъ молишвы.

У него завтракъ, обѣдъ, полдникъ и ужинъ начинающіеся, подобно Восточнымъ народамъ, умовеніемъ рукъ и молитвою. Вспрѣчая восхожденіе солнца, какъ говорится, съ молитвою въ устахъ и съ работою въ рукахъ, онъ сберегаетъ много времени для труда и покоя, въ нѣкой увѣренности, что *Кто рано встаетъ, тому Богъ подаетъ. Его утро мудренѣе вечера.*

Умѣренность въ пищѣ и простота въ жилищѣ соотвѣтствовали бережливости въ одеждѣ Рускихъ, прочной, покойной, нероскошной, единообразной и приличной климату. Они любили шажъ носить, чтобы *плосу не была* и чтобы изъ дѣдовскаго кафлана оспалось и внуку; не спѣшили починывать свое платье, оправдываясь тѣмъ, что *Царь Государь и города платитъ*, т. е. починываетъ. О лишней иранѣ на одежду говорили: *на брюхѣ шелкъ, а съ брюхѣ шёлкъ*, т. е. что щеголяешь веденъ изъ голоду. Бережливости у нихъ починилась хозяйственною добродѣтелью, которая до сихъ поръ питается трудовыми деньгами. Хотя

*маленька добычка, говоришь Руской народъ, да большаа бережь; поштому что бережно, такъ и должно. Сія добродѣтель основывалась на предусмотрительности, съ какою берегли бѣлую денежку, доставляемую черною работою, на черный денъ, и. е. на нужду, на голодъ, на бѣду, родящую деньги; ибо, по старинному рачеству, денежка рубль бережетъ, а рубль золоту стережетъ. Любимою поговоркой великаго Хозяина въ нашемъ опечесствѣ Петра I была: Кто не бережетъ копейки, тотъ самъ не стоитъ рубля. Условіемъ же прочности и швердости приобретений носпавлялась добросовѣстность съ увѣренностію, что одна трудовая, праведная денежка до вѣку живетъ, а неправедная прибыль овонъ, или Иной продаетъ съ барышемъ, да ходитъ наеіишемъ. Такія-то праведныя денежки соспавляли прочную основу родовыхъ имѣній, кой росли при совокупленіемъ трудовъ потомковъ къ трудамъ предковъ; нажитое одними сохранялось и приумножалось другими; отъ сего *Добринскіе жисоты* на Руси омыли хоть *только**

ми, да долеми. Но и еша пословица вышла изъ употребленія.

Предпочишая вѣрную и малую выгоду невѣрной, хоша и большой, Рускіе говорятъ вмѣстѣ съ Нѣмцами: *Не сули журавля въ небо, дай синицу въ руки*, Ein Sperling in der Hand ist besser, als ein Storch auf dem Dache, ш. е. „воробей въ рукѣ лучше, чѣмъ журавль на крышкѣ.“ Но изъ великодушія, или щеславія, особливо въ сродномъ Рускому разгульствѣ и шоровашосши, у него одна денежка и та ребромъ (всякая копейка ребромъ), такъ что хвастливаго съ богатымъ не узнаешь. Онъ ни за что не постоитъ, чпоби только себя лицемъ въ грязь не ударить. Кому не извѣстна его похвальба: *Знай нашихъ!* Довольствуясь самъ скудною пищею, онъ бережеть хорошій кусокъ для хорошаго челоуѣка, для кошораго, какъ говоришься, *чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ*, или *что въ печи, все на столъ мети*. Радущіе же хлѣбосольства Рускаго объясняютъ намъ и слѣдующія пословицы спаринныя: *Гости позваны, и постели постланы*. — *Гость*.

*добрый всегда хозяину приятенъ — Не
будь гостю запасенъ, да будь ему радъ.*
Ничто столько не оскорбляло честолюбія
хозяина, если у него не чѣмъ было угостишь,
или заспавали его въ располхъ; тогда гова-
ривали: *Гость на дворъ и бѣда на дворъ—*
Не во время гость хуже Татарина —
Гость дорогой, а день середной, ш. е.
поспной, когда меньше кушанья, чѣмъ въ
скоромной день. Исключенія въ часпныхъ
черпахъ скупосши и недоброохошсва со-
спавляющъ неизбѣжныя прошивоположно-
сши какъ въ сей, шакъ и въ другихъ подоб-
ныхъ добродѣтеляхъ.

Сильное имѣетъ дѣйствіе надъ серд-
цемъ Рускаго *доброе и ласковое слово,*
кошорое, по его пословицѣ, *лучше мякаго*
пирога. Гдѣ нельзя преклонишь Рускаго
простолюдина силою и грозою, шамънерѣдко
привѣшливое слово, подарокъ и угощенье
смягчающъ его сердце, располагая его къ
услугѣ; ибо для него *Ласково слово пу-*
ще дубины, а ласково слово не трудно,
да споро. Пословица гласишь: *Не бей му-*
жика дубьемъ, да бей его рублемъ, шакже

Не бей мужика дубиной, да бей его полтиной. По сему для наклоненія прослоюдина къ добру, его же пословицы учашъ поступашъ съ нимъ *честно*, а для отвращенія его ошъ зла — *грозно*; ибо по выраженію пословищному *Лѣшописи*: „Какъ конь подъ Царемъ безъ узды, такъ Царство безъ грозы“ (с). Старая Руская пословица свидѣтельствуетъ, что *Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится*.

Екашерина II по опыту признавъ Руской народъ особеннымъ въ міръ, сказала, что „онъ одаренъ *догадкою*“, кошорая, по его пословицѣ, *лучше разума*. Съ ешою догадкой онъ переимчивъ и до всего самъ дойдетъ и *на что не возьметъ, того не сдѣлаетъ*; но еша переимчивость подражательности близка къ легкомысленности въ нѣкошорыхъ классахъ народа, при коей онъ *отъ одного бѣрега отстанетъ, а къ другому не пристанетъ*.

Какъ въ лѣтописцахъ, писанныхъ въ бывшихъ удѣлахъ Россіи, такъ, равно и въ пословицахъ, произшедшихъ отъ древнихъ раздоровъ и есоръ, видны разныя мнѣнія одной стороны о другой. Московскій Лѣтописецъ говоритъ о сошечникахъ, что они *смиренные и набожные*, а о Рязанцахъ, что они искони были *горды и суровы* (d); о жителяхъ Новгорода Московская поговорка гласитъ: *Упрямъ, какъ Новгородецъ*; а Малороссійская: *Винъ такъ намоскалився, що изъ пидъ живота п'яты р'яжетъ*. Московска *вира* то же значить, что у Римлянъ *Graeca fides*, Греческая вѣрность, и ин. д.

Хитрость Рускихъ въ торговыхъ дѣлахъ, особливо съ иноземцами, издавна была извѣстна, такъ какъ и пословица *Товаръ лицомъ продать*. Петрей, согласно съ другими иностранными путешественниками въ Россію, говоритъ, что „Рускіе въ торговлѣ и мѣнѣ весьма обманчивы,

(d) Карамз. И. Г. Р. V. 50. — Герберштейнъ запрашивъ шого хвалишь Рязанцевъ и Новгородцевъ.

„извороплявы и хипры; запрашивають бо-
„лѣе, нежели сколько стоишь поваръ.“ Сло-
ва Пешрея подшверждаются пословицами:
*Запросъ въ карманъ не лезетъ — Не по-
каря, ничего не купишь, а не похваля,
ничего не продашь.* Таковъ успавъ шор-
говли, кошорый едвали не заимствованъ Рус-
скими въ древнихъ ихъ связяхъ съ Греками!

„Рускіе, свидѣтельствуешь Италіа-
нецъ Рафаилъ Барберини — въ XVI в. (e)
„въ торговыхъ дѣлахъ чрезвычайно ловки,
„говорятъ много и приятно, а поступаютъ
„худо, не упуская случая обмануть; что
„имъ нерѣдко удаеши, если имѣють они
„дѣло съ людьми довѣрчивыми и простыми;
„они всячески поддѣлываютъ свои повары;
„покупая соболей и другіе мѣха, стараются
„высхавишь ихъ гораздо лучше, и для по-
„го скрываютъ все, могущее убавишь ихъ
„цѣнность. Не рѣдко случаеши, что про-
„давцы опускають покупателя изъ лавки
„подъ шѣмъ видомъ, что они не согласны

(e) Relatione di Moscouia scritta da Raffaello
Barberino al Conte di Nubarola. Ann. 1565.

„ему уступилишъ торгуемую вещь за пред-
 „лагаемую имъ цѣну; потомъ обмѣнявши
 „ее, кличутъ его, или сами идутъ къ нему
 „и ошдають негодный поваръ за хорошую
 „цѣну.“ Такое описаніе Московской торгов-
 ли въ XVI вѣкѣ напоминаетъ старыя посло-
 вичи: *На енилой товаръ слплой купецъ и*
Не товаромъ Боеъ кормитъ, а купцемъ.
 Однако шопъ же писашель, который иногда
 судилъ по частнымъ случаямъ объ общемъ,
 говоритъ, что „по всему Рускому Государ-
 „ству можно ѣздить безъ всякой опасности
 „и не подвергаться ни нападеніямъ, ни гра-
 „бежу на большихъ дорогахъ, имѣя при себѣ
 „деньги и драгоценныя вещи.“ Какія же
 имѣли мнѣнія Рускіе о воровствѣ, подъ ко-
 имъ иногда разумѣли они всякой обманъ,
 видно изъ слѣдующихъ пословицъ раз-
 ныхъ эпохъ: *Лучше торговать, чѣмъ*
воровать — Вору висѣлица да клутъ,
а доброй всегда не плутъ — Воръ во-
руетъ не для прибыли, а для еибели —
Воровство послѣднее ремесло, и проч.

До XVIII вѣка Рускіе почерпали пре-
 сѣщеніе болѣе въ своемъ опечесствѣ, не-

жели въ чужихъ спранахъ, неохотно принимая заморскіе обычаи и нравы изъ опасенія, чѣшбы шѣмъ не нарушишь опечесшвенныхъ уставовъ и преданій и не поколебашъ Вѣры православной ; кромѣ нословъ, купцевъ и спранниковъ къ Св. Мѣстамъ, едва ли кто изъ Рускихъ ѣздилъ въ чужіе край, о коихъ гласишь старинная народная пословица : *Славны бубны за горами , а придутъ какъ лукошки*. По свидѣтельствѣ Барберини, одинъ Полякъ спросилъ Рускаго: „По-
 „чему соопечесшвенники ваши не спсыла-
 „ють дѣшей своихъ въ чужіе край , но
 „держашъ ихъ у себя дома въ грубомъ
 „невѣжесшвѣ, шогда какъ наши дѣши займ-
 „спвуютъ опъ другихъ народовъ познанія и
 „обращеніе съ людьми? — „Пошому, опѣ-
 „чалъ послѣдній, чшо наши дѣши родяшся
 „съ шѣмъ, чего ваши не имѣя дома, принуж-
 „дены бывають искашь въ чужихъ краяхъ.“

Здравый разумъ, опышность и снаровка въ Рускихъ часшо шоржесшвовали надъ ученосшю иностранцевъ, по собспшвенному ихъ призванію и по многимъ притѣрамъ.

Особливою черпою Рускихъ песнавляюшь насмѣшливосшь, болѣе однакожь добродушную, чѣмъ влюбную; оспрое и красное слово было иногда родомъ мессии, какою они удовлетворяли себя за обиду. Сія черпа видна въ топографическихъ и топографическихъ названіяхъ, въ пѣсняхъ, пословицахъ и прибауткахъ, также въ прозвищахъ, какія давались или опъ свойствъ челоѣка, или особенныхъ какихъ случаевъ; ибо, по древнему суевѣрію, въ сшарину пали имя, полученное при св. крещеніи (f). Не было войны съ чужестранными народами, ни одного сословія, ни одного чина — о чемъ бы не составлялось у нихъ саширическихъ пословицъ, прямыхъ, или иносказательныхъ, какъ увидимъ въ послѣдующихъ частяхъ сей книги.

Такъ какъ разные характеры народовъ составлены изъ добродѣтелей и пороковъ, изъ хорошихъ и дурныхъ ка-

(f) Въ Трудахъ Общ. Исторіи и Др. Росс. ч. III. ст. II. *О личныхъ собственныхъ именахъ у Славяноруссовъ.*

честивъ (g): то и спарину одни называютъ въкомъ прямаго благочестія и добродѣтели, проспошы и цѣломудрія, а другія временами грубосни и жестокосни, пьянства и безспидства. Но, при безприспращенномъ сличеніи свѣдѣльскихъ спорохъ съ шемными въ нравахъ Рускаго народа, первыя возьмунъ верхъ надъ послѣдними; ибо его вспылчивосшь и раздражительнось вознаграждающа добродушіемъ и незлопамятствомъ, грубосшь ирмодушіемъ — пороки его коренными добродѣтелями, не образованносшь природнымъ умомъ и догадкою, съ коими Руской *на все готовъ и гораздъ*. Законодательница Россіи свидѣтельствуетъ, что „Руской народъ есть особенный въ цѣломъ свѣтѣ; Богъ ему далъ „опшличныя опъ другихъ свойсства.,, Екашерина II — пишешъ другъ ея, Княгиня Дашкова — „приписывала народу своему превосходныя дарованія шѣла и души, силу, „храбросшь и догадку.“ Какъ, по словамъ

(g) Наказъ, стр. 52. — О существъ законовъ, соч. Моншескье. 4 т. М. 1810. 3.

Наказа, „нравы и обычаи сущь уснаовле-
 „нія всего вообще народа“ (h): шо время и
 просвѣщеніе, сразмѣрное пошребностямъ
 народа и согласное съ цѣлю правленія,
 могутъ возвыситъ и ушвердитъ добрые
 нравы и облагоредсшвовашъ похвальные
 обычаи просшолоудина, не ештѣния зако-
 нами праотеческихъ его обычаевъ, дабы чрезъ
 шо не ештѣснитъ его добродѣтелей и не
 изгладитъ подлинности характера, опи-
 савшей Рускихъ отъ другихъ народовъ; вред-
 ные же обычаи и дурные нравы испребляисъ,
 или посшепенно ослаблшсѣ шѣми же средсш-
 вами, какими возвысилсѣ хорошие. Веяко-
 му извѣстно, въ шѣсной связи нравы и
 обычаи народа съ его законами и посше-
 пеннымъ просвѣщеніемъ; послѣднія сообра-
 зуясь съ первыми, крѣпче могутъ соеди-
 нять, но не раздѣлять разные сословія на-
 рода въ любви къ отечеству и въ преданно-
 сти къ Св. Вѣрѣ и законной власши. Та-
 кимъ образомъ добрая Руская старина во-

(h) Наказъ, стр. 52.

дворится въ пресвѣщенномъ попомъ :
наслѣдственныя ея пословицы, оживленныя
событіями, оправдающія или опровергнувшія
правилами здравой Философіи къ возвышенію
и утвржденію не только политической,
но и нравственной самобытности народа.

Но такъ какъ основаніемъ нравовъ
служитъ Правосвенность—и одни перемѣ-
няющіяся, а другая остается неизмѣнною :
то мы перейдемъ къ сей послѣдней для
примѣненія и повѣрки съ правилами оной
Рускихъ пословицъ, кои, какъ выше ска-
зали мы, служатъ напутствіемъ въ жизни
простолудину, содержа въ себѣ его при-
роду и бытъ, Вѣру и Нравоученіе.

у.) *Нравственныя пословицы.*

Кому не извѣстно, какую имѣютъ силу народныя пословицы въ гражданской и сѣмейной жизни, гдѣ онѣ примѣняются къ разнымъ ея обстоятельствомъ; ими, какъ бы печатью утверждающа сужденія и оправдывающа поступки. Но какъ почти всѣ спрашанія могутъ быть выражены своими пословицами, а не всѣ оправдывающа законами Нравственности: но между пословицами у всѣхъ народовъ встрѣчающа такія, кои относятся къ спрашаніямъ или предразсудкамъ и будучи справедливы иногда, а не вообще, не могутъ войти въ составъ Правоученія и сдѣлаться законами воли человѣческой, выводимыми изъ опыта и наблюденія. За то найдется много такихъ пословицъ, кои основываясь на здоровомъ разумѣ, на благихъ нравахъ и обычаяхъ доброй старины и на правилахъ св. Вѣры, приводящъ къ добру и представляющъ гибельныя слѣдствія порока и шоржество добродѣтели; въ нихъ заключающа начала той общей Нравственности, на коей утверждаются

всѣ частныя должности человека и копо-
 рая не рѣдко познаешь по откровенію
 совѣсти и по здравому смыслу. Посему, съ
 одной стороны въ пословицахъ народныхъ
 нерѣдко представляются постыдныя суевѣ-
 рія, закоснѣлые предрассудки и заблуж-
 денія, тернимыя только не привычкѣ и
 давности: испущники оныхъ въ укре-
 нившихся въ народѣ языческихъ поняті-
 яхъ, кои не могла совершенно испрести
 и Вѣра православная, во вліяніи чужезем-
 наго духа, въ сексахъ и расколахъ, кои
 дѣйствовали на умы народа, такъ равно
 и въ невѣжествѣ и грубости. Съ дру-
 гой, болѣе утѣшительной и пріятной
 стороны являющіяся намъ въ простыхъ, но
 сильныхъ и многозначущихъ выраженіяхъ
 превосходныя правила гражданскихъ и *сѣ-
 мейныхъ обязанностей и добродѣтелей*
 мысли, современныя всѣмъ временамъ; онѣ
 могутъ сосланишь народное *Руское Нра-
 воученіе*. Между нѣмъ какъ возникаю-
 щая Философія поглощаетъ древнюю про-
 стошу нравственныхъ изреченій, въ пое-
 зію облеченныхъ, а нововводимое воспишаніе

высшаго сословія народа даетъ новое направление: низшая, многочисленнѣйшая часть онаго, далекая еще отъ просвѣщенія и, по большей части, безграмотная, крѣпко держится своей старины и остается при опечаткахъ правилахъ, передаваемыхъ въ пословицахъ — *живетъ, какъ говоришь, умомъ и благословеніемъ родительскимъ*. Сія правила, почерпнувши изъ вѣковыхъ опытовъ людьми умными, освящающа уваженіемъ попомковъ къ предкамъ, какъ бы заповѣди сихъ послѣднихъ, сославляя невидимый союзъ однихъ съ другими. Прежде, нежели просвѣщеніе раздѣлило мнѣнія народа, и у высшаго сословія были почти одинаковыя пословицы съ просхолюдинами и сходныя во многомъ нравы и обычаи.

Если Французы назвали свои гномы и апофегмы *мудростію народовъ* (a sagesse des nations), Нѣмцы *справедливыми словами* (die wahre Wörter) (i): то Рускіе могутъ наименовать свои пословицы своею Нравственностію, кои болѣе ими

(i) Калмыцкая пословица утверждаетъ, что *Правда есть пословица*.

самими придуманы и домыслены, нежели заимствованы отъ другихъ народовъ. Если соотечественники наши не столько угождали оспроумію, какимъ блискаютъ французскія пословицы: за то они старались избегатьъ кощунства, своеволія, легкомыслія, утверждая своими словами наслѣдственное, сродное имъ благочестіе, добродушіе и смиреніе, какъ вѣрнѣйшія средства къ обузданію крамольныхъ спраспей и къ водворенію благоденствія въ общественной и сѣмейной жизни.

Въ сихъ свойствахъ народа Рускаго, выраженныхъ его же словами, находя основанія Правоученія — поспараемся вывести изъ оныхъ начала важнѣйшей, не только для народа, но и для человѣчества науки направленія воли къ частному и общему благу чрезъ исполненіе обязанности къ самому себѣ и другимъ. Та и другая обязанность соединяющія въ Богѣ, въ руцѣ Копораго власъ вся земли (к). Ежели въ Немъ источникъ добра и истины: то Его воля должна быть свѣтлѣйшимъ закономъ.

(к) *Сирахъ*, гл. X.

Человѣкъ, какъ разумно-свободное существо, долженъ въ самомъ себѣ находить побужденіе добровольно подчиняшь свои дѣйствія суду разума и совѣсти, слѣдовать оному даже съ пожертвованіемъ своими склонностями и выгодами. Такая въ немъ подчиненность составляетъ истинную свободу, безъ коей не можешь существовать Нравственность. *Вольному воля, спасенному рай.* Полагая основаніе благоденствія въ покорности воли разуму, Русскіе пословицей своей утверждали, что *Кто воли своей не переможесть, тотъ и счастливъ быть не можетъ*, или *Дай сердцу волю, заведетъ тебя въ неволю*; ибо иногда подъ неволю, а иногда и подъ свободу они не рѣдко разумѣли обузданіе страстей и покорность закону, безъ чего и *Господинъ въ неволѣ у прихотей своихъ*. Ещо была свобода не политическая, но нравственная; первая называлась *вольностію*, *волею* и не рѣдко смѣшивалась и съ своеволіемъ, за копорымъ слѣдуетъ порча и добровольное рабство. *Воля и добра мужа портитъ — Воля портитъ, а неволя учитъ.*

Такъ какъ источникъ человѣческаго Правоученія — разумъ, часто подвергающійся заблужденіямъ, не можешь самъ собою утвердишь себѣ правилъ: по первымъ началомъ нравственныхъ дѣяній и полагаешься преданности воли Божіей: *Будь воля Божія!* ибо въ ней заключается исполненіе дѣлъ правды, каторая, по старинному изреченію, *свѣтъ солнца*, и *Все минется, одна правда остается*. Но какъ правду Божь видитъ: по къ познанію источника оной обращается слѣдующая пословица: *Умная голова, разбирай Божьи дела!* Выраженіемъ же ограниченности разума, при недоумѣніи, или неувѣренности, служила поговорка: *Божь въдаетъ* (1). Многія изъ прекрасныхъ добродѣтелей и намѣреній Русскими поговорками обращающія къ Богу, какъ по: благодарности — *Спаси Божь, спасибо, доброжелатель-*

(1) Разсужденіе изъ натуральной Богословіи о началѣ и происшествіи натур. Богочина, соч. Д. Аничкова. М. 1769. 4. — Разсужденіе о корени началъ Хрістіан. дѣятельности, с. Егирфа.

сшво — *Богъ на помощь*, радушіе — *Чѣмъ Богъ послалъ*, и ш. д. см. спр. 30.

Такимъ образомъ предки наши, начиная и оканчивая все Богомъ, все къ Нему относили, и на сихъ отношеніяхъ основывали обязанности свои къ Творцу, къ ближнимъ своимъ и къ самимъ себѣ. Такъ какъ жизнь человѣческая представляеть въ себѣ совокупность дѣйствій и обязанностей: по сіи послѣднія утверждающіяся на любви и справедливости, а дѣйствія происпекающъ или изъ добросовѣстности, или пребываній обязанности.

Если *рубашка къ телу ближе*: по начнемъ съ обязанностей человѣка гражданина, сѣмьянина и члена Церкви къ самому себѣ, а въ нихъ откроются и другія его отношенія, безъ коихъ онъ не былъ бы человекомъ. *Другъ обо другъ, а Богъ обо всѣхъ*.

Поставляя достиженіе высшаго совершенства въ жизни высшею цѣлью человека, предки наши почитали всѣ возраста ученіемъ, по ихъ пословицѣ, *Вѣкъ живи, вѣкъ учись*; ибо *Ученъе свѣтъ, а не ученъе тма — Ученъе красота, а не*

у҃чене сухота. Впрочемъ, по внутреннему ощущенію правошы, оцѣняя знанія другихъ, они прибавляли: *У҃ченаго у҃чить, лишь только портить.*

Питая въ себѣ чувствованія состраданія, милосердія и доброхошства, сближающія людей между собою, человекъ возбуждаетъ въ себѣ мысли о нравственномъ чинѣ въ мірѣ и о вѣрѣ въ Промыслъ Божій, кошорый *все Свое строитъ* съ опеческимъ попеченіемъ; ибо, по выраженію Руской пословицы: *Ни отецъ до дѣтей, какъ Богъ до людей.* Какъ благочесніе естъ непоколебимое основаніе добродѣтелей и обязанносней: то изъ него рождаются преданность волѣ Божіей, какую замѣчаемъ въ Рускихъ. Хотя благоговѣніе иногда и обращается невѣжесвомъ въ суевѣріе; но самыя шолки и расколы болѣе суть слѣдствія какой-то жажды вѣры, нежели скудоси въ оной, или изувѣрства.

Весьма мало Рускихъ пословицъ, и то произшедшихъ въ позднѣйшее время, ошзывающихся вольнодумствомъ и кощумствомъ, кошорое произошло или ошъ неу-

вѣршва, или опъ духа разныхъ ученій, проникавшихъ изъ чужихъ странъ въ Россію и нерѣдко входившихъ въ моду: *Что стыдно и ершино, то въ обыгай вошло.*

Хотя Промыслъ печется равно обо всѣхъ; но и человекъ не долженъ предаваться слѣпой безпечности, а беречь себя; ибо *Береженаго и Богъ бережетъ.* Общее у человека съ животными чувствіе самосохраненія, возвышенное Нравственностію и освященное Вѣрою, внушаетъ ему заботливоснѣ и поученіе о благосостояніи своемъ. Такъ какъ шѣло служишь ему орудіемъ къ исполненію обязанностей: то и долженъ онъ хранишь свое здоровье воздержаніемъ, или говоря Рускою пословицей: *Береги здоровье подъ старость:* ибо въ *земъ* молодъ похвалится, въ томъ *старъ* покается — *Чѣмъ поиграешь, тѣмъ и зашибешься.* Здоровью вредящъ спрасши измѣждающія, какова: завянешъ, злоба, печаль: опъ нихъ остерегающъ насъ и пословицы, показывая гибельныя ихъ дѣйствія: *Тому тяжело, кто помнитъ зло — Завистливый сѣхъ.*

нетъ и о томъ , когда видитъ счастье въ комъ — Кто завистливъ, тотъ и обидливъ — Печаль не уморитъ, а здоровье повредитъ.

Но если человекъ пожертвованіемъ своей жизни можешь исполнить свою обязанность къ другимъ , особливо къ своему Государю и къ Ошечеству; ибо онъ чинишь въ совѣсти своей сію обязанность: тогда онъ долженъ живоить свой положишь — тогда за честь головагинетъ. см. выше, стр. 109. Любя свое ошечество, мы любимъ добродѣтель.

Обязанности къ другимъ происходятъ изъ любви и справедливости, кои основываются на уваженіи нравственнаго достоинства въ подобныхъ намъ ; ибо *Вся люди, все челоѣки*. Такъ какъ *Душа*, по пословицѣ, *всеѣ дорожѣ*: то Руской просхолюдимъ усовѣщаеишь другаго въ правдѣ словомъ просшимъ, но по смыслу своему многозначущимъ: *Душа надобна!* или *Нобойся Бога!* Первымъ напоминая о спасеніи души, а другимъ о страхѣ Божіемъ обязанности любви къ сочелоѣкамъ пре-

буютъ отъ насъ споспѣшествованія ихъ благосостоянію по мѣрѣ силъ своихъ словомъ и дѣломъ; ибо и сама природа влечетъ насъ къ челоѣколюбію, а пословица согласно съ нравственнымъ закономъ обязываетъ такъ жить, чтобы: *Всѣмъ добро, никому не зло; то законное житье.* Подражая промыслу Творца, мы должны стремиться къ цѣли жизни распространеніемъ добра на родныхъ, друзей, соотечественниковъ, а потомъ и на все челоѣчество, коь скоро откроется къ тому случай и возможность; но такъ, чтобы *ужую крышу крыть, а своя бы не текла*, ш. е. благошворя чужимъ, не оставляя безъ помощи ближнихъ; ибо *Своя рубашка къ тѣлу ближе*, или какъ гласитъ Нѣмецкая пословица, сходная съ Рускою, о правахъ родства: *Das Heim mit näher, als das Recht*, ш. е. „рубашка ко мнѣ ближе кашана.“ Въ снѣгахъ о старыхъ обычаяхъ и нравахъ выше приведены пословицы, свидѣтельствующія объ уваженіи къ старшинству, о почтеніи къ родителямъ.

Въ благошвореніяхъ справедливостъ предпочитается доброта; желая благо друзьямъ и ближнимъ, несправедливо поступимъ, когда будемъ основывать оное на бѣдѣ ствіи, или вредѣ чужихъ. *Другу дружи, а другому (недругу) не вреди* (не груби). Сосраданіе не есть одно чувствованіе, среднее челоуѣчеству, но исполненіе обязанности, кошорая предписываетъ намъ по всей возможности помогать всякому спрадущему сочелоуѣку — будь ли онъ предметъ нашей любви, или ненависти. Исторіи Римской примѣръ Гжевскаго, положившаго жизнь за врага своего Ляпунова въ той увѣренности, что дни его полезны для общества, есть не обыкновенный въ лѣтописяхъ челоуѣчества.

И Спаситель міра повелѣвая душу свою положить за други, такую любовь называетъ высшею: *Больши сего любви, никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (11). Сіе священное правило исполнили крестьянинъ Сусанин пожертвовавшій жизнью своей за спасеніе

(11) Іоаннъ, XV. 13.

Царя Михаила и тысячи Рускихъ, у которыхъ примѣръ Регула не рѣдкость.

Хотя, по пословицѣ, *отруби себѣ ту руку по локоть, которая себѣ добра не желаетъ*; однакожь сія естественная въ человѣкѣ склонность будетъ несправедлива и прошивна Правосудности, ежели онъ спремится къ личности своей, не забываясь о благѣ общемъ, если, изъ самолюбія и своекорыстія, онъ другихъ обращаетъ въ средство — *чужими руками жаръ загребаетъ*. Такъ какъ, по дѣйствию правосудія Божія, счастье, созданное на несчастіи другаго, непрочно по своимъ основаніямъ, преступно и даже гибельно по своимъ слѣдствіямъ: по сему — *Ищи себѣ прибыли, другому не желай гибели, или Не все для себя, но мѣсто и для другихъ*.

Какъ благопоставительность есть свѣтъ жизни, такъ самолюбіе тѣма, подавляющая въ сердцѣ человѣческомъ сѣмена добра и оспавляющая въ немъ пустошу, а въ другихъ возбуждающая отвращеніе. *Самолюбъ никому не любъ*.

Ежели равнодушіе къ общему благу есть несправедливость: то посягательство на оное словомъ и дѣломъ есть уже пресупленіе противъ человѣчества и общества. Общее родство человѣковъ и Всевѣдніе Божіе, простирающееся на дѣла и намѣренія наши, удерживающъ обидчика и утѣшающъ обиженнаго, хотя бы въ человѣческихъ законахъ не находилось средствъ обуздавъ перваго и защитиши послѣдняго; но *Богъ видитъ, кто кого обидитъ — Богъ долго ждетъ, да больно бьетъ — Отольются волку коровы слезы.* Такъ какъ богатые и сильные обидливы (*Мужикъ богатый, что быкъ рогатый*): то пословица и напоминаетъ имъ, что и они люди: *Не обижай голяка! у голяка такая же душа — Не боюсь богатыхъ грозъ, а боюсь убогихъ слезъ*; попому что, прибавляешь старая пословица: *Убогаго слеза жидка, да пѣдка.* Къ уваженію священнаго права собственности относятся слѣдующія: *Тужимъ не наживеешься — Неправедное собраніе прахъ, и пр. Представляя обыкновенно*

не столько начала, сколько послѣдствій пороковъ и злодѣяній, пословицы опечесшвенныя разишельно изображаютъ дѣйствія злобы и зависти на жизнь: *Въ лихости и зависти нѣтъ ни проку, ни радости*, и пр. Какъ клевета (напраслина) и злословіе нарушаютъ счастье ближняго: *ибо и въ напраслинѣ, что въ дѣль люди погибаютъ, коли къ нимъ ерхъ тугой прикидываютъ*: что должно быть осторожнымъ въ словахъ: *Слово не стрѣла, да пуще стрѣлы, или Слово не воробей, вылетитъ, не поймашь*. см. еспр. 25. Презриштельными и гнусными казались Рускимъ наущничесшве и переносы вѣсней изъ дома въ домъ, или шушки, по выраженію одного изъ нашихъ пошловъ, просшодушная клевета, какъ видно изъ слѣдующихъ пословицъ, согласныхъ съ усшвами Нравсшвенности: *Наушника никто не почитаетъ, а лукаваго всякъ бранитъ — Кто переноситъ вѣсти, тому не дѣлаетъ гести*. Но какъ и самыя невинныя шушки часщомѣютъ виновныя слѣдсшвія — *Шутки хо-*

дѣтъ въ шубинахъ: шо заботливые предки наши сшарались и объ ешомъ предупредишь попомковъ своиимъ замѣчаніями: *Шутки шуты, а людьми не муты — Шуты, да оглядывайся — Шуты до тлѣхъ поръ, пока краска въ лице не войдетъ, и пр.*

Обязанности справедливости требующъ благодарности и воздаянія опъ того, кшо получаетъ одолженія и благодѣянія; пошому что признапельность основывается на уваженіи къ человѣчеству въ самомъ себѣ и въ другихъ, какъ въ нравственныхъ существахъ за нравственные ихъ дѣянія. Благодарность цѣнится выше благодѣянія пословицей: *Спасибо тому, кто поитъ, да кормитъ, а вдвое тому, кто хлѣбъ соль помнитъ*. Если благошвореніе изъ личныхъ выгодъ теряетъ цѣну свою: шо уклоненіе себя опъ ешой добродѣтели подъ предлогомъ неблагодарности людской, что *Не вспомя, не вскормля, не видать ворога, ешь удаленіе опъ цѣли бывшя, кошорая заключаенія въ добръ*. Посему пословицы ушѣшаютъ въ неблагодарности людей: *Дѣлай добро и жди добра, и Сдѣлавши добро,*

не кайся; ибо Кто добро творитъ, тому Боеъ отплатитъ, также За неблагодарныхъ Боеъ благодаритъ. Кромѣ сей высшей награды, добродѣтельный въ себѣ самомъ находить воздаяніе совѣсти, надѣляющей его спокойствіемъ; онъ, при собственномъ бѣдствіи, полагаетъ свое счастье въ счастьи другихъ, исполняя свое сердце благороднѣйшимъ наслажденіемъ, съ коимъ въ чистотѣ не можетъ сравниться никакое другое земное удовольствіе. *Съ добромъ жить хорошо, или Злой плачетъ отъ зависти, а добрый отъ радости.* Какіе различные источники слезъ!

Какъ благошворительность есть свѣтъ жизни человѣческой, такъ *смирненіе* — ея шеплоша, или по опредѣленію пословицы, *ожерелье*; оно должно быть неразлучно съ честью; ибо *Кто смиреніемъ себя украшаетъ, тотъ честностью укрѣпляетъ.* Источникомъ же многихъ заблужденій и безпорядковъ въ человѣчествѣ бываетъ гордость и самонадѣ-

янности; по сему Русское Нравоученіе, согласно съ св. Писаніемъ, гордыхъ называетъ прошивниками Богу и безразсудными: *Гордымъ Богъ противится, а смиреннымъ благодать даетъ — Горду быть, елымъ слыть.*

Крайность доброты есть вредное пошворство и послабленіе порокамъ и преступленіямъ; пошому оказывать болѣе снисхожденія и любви, нежели сколько пребываютъ обязанности и отношенія общественной жизни, къ людямъ безъ всякаго нравственнаго достоинства, злодѣямъ и порочнымъ, есть виновное равнодушіе къ нравственному достоинству человека; посягательство на справедливость. Пощадою злодѣевъ обижающія честные люди, и попускающій зло дѣлается участникомъ въ ономъ. *Кто злымъ попускаетъ, тотъ самъ зло творитъ, или Вара милосать, добраго погубить.* Въ такомъ енискожденіи нѣкогда упрекало Духовенство наше В. К. Владимира, по свидѣтельству нашихъ льшопищевъ.

Какъ нравственный порядокъ необходимъ для жизни сѣмейной и общественной: по челоуѣкъ долженъ исполнять обязанности, связующія частное его благо съ общимъ; онъ сушь: праводушіе, вѣрность и честность въ словѣ и дѣлѣ, и терпѣніе. См. стр. 129.

Если, по пословицѣ, *Всякая неправда грѣхъ* и если челоуѣкъ несправедливый склоненъ ко всѣмъ порокамъ: по коварство, ложь, лицемеріе противны добросовѣстности. А какъ всякое дурное дѣло, по непремѣннымъ усшаваніямъ Источника правды, имѣетъ гибельныя слѣдствія для виновника: по *Кто неправдою живетъ, того Богъ убьетъ — Въ правдѣ Богъ помогаетъ, въ неправдѣ Онъ же запишетъ — Злой челоуѣкъ не проживетъ въ добръ вѣкъ — Богъ его попутаетъ.* Основаніе правды полагается въ добръ слѣдующею пословицей: *Въ комъ добра нѣтъ, въ томъ и правды мало — и Не ищи въ другихъ правды, если ее въ тебѣ нѣтъ.* Но такъ какъ *Всякъ правду любитъ,*

да не всякъ ее скажетъ, и Правда глаза колетъ: — Великимъ правду говорить, не легче лжи — Правду говорить, себя досадить.

Пословицы Рускія полагають слѣдствіями лжи вредъ, грѣхъ, спыдъ и упрашу довѣренности общеспвенной, какъ основанія взаимныхъ связей и средспва для доспженія нравспвеннаго счаспія въ жизни. *Кто правды не скажетъ, тотъ многихъ свяжетъ.* Если ни чѣмъ сполько не укрѣпляется сила совѣспи, какъ справедливоспію: за шо ни чѣмъ сполько не ослабляется, какъ обманомъ, хоші бы онъ прикрывался личиною вѣжливоспи и приличія, или ухищренными извиненіями порока и пресшупленія, или искусною клеветой на ближняго, или ушонченнымъ злословіемъ — обманщикъ все предъ людьми шрусъ, а предъ Богомъ наглець; онъ разрываетъ связь свою съ обществомъ человѣческимъ; ибо всякая умышленная ложь есть обида не сполько для обмануемыхъ, но и оскорбленіе для всего человѣческаго — она сполько пог-

да допускаешся, какъ неправда для правды и добра, когда пребуешь того высшая должностъ справедливости; въ противномъ случаѣ: *Гдѣ виднѣ путь прямой, тамъ не ѣзди по кривой*, ш. е. гдѣ можно и должно достигнуть нравственной цѣли испиною, тамъ не упоиребляй лжи и коварства. Сколь презрительнѣ былъ ещѣ порокъ у Рускихъ, видно изъ слѣдующихъ ихъ пословицъ: *Со лжи люди не мрутъ, да впредѣ имъ вѣры неимутъ — Кто охотъ лгать, того нельзя за друга принять — Лгать, такъ люди обьгати — Молодому лгать вредно, а старому не потребно* (п).

Если и ведутся пословицы: *Люди лжѣ, и мы тожѣ, шакже люди неправдою живутъ, и намъ не треснуть стати*; шо болѣе въ свойственныя духу Рускому насмѣшки надъ лжецами, или сосыпавляющѣ увершавшымъ ихъ обвиненія, нежели правила или черны характера Рускаго на-

(п) *Moralische Sprichwörter der Deutschen*. Halberst. 1822.

рода, въ коемъ шолько похвальба и сродное ему щеславіе могло произвеспи поговорку: *Красно поле рожию, а рѣзь ложью* и подобныя ей.

Неизмѣненіе своему ближнему ни словомъ, ни дѣломъ — есшъ вѣрносшъ, союзница чеспносши. Если ввѣренная намъ шайна подобна сокровищу, опданному на сбереженіе: *кто открываетъ тайну, тотъ поубллетъ вѣрность*, ш. е. нарушаешъ вѣрноешъ и чеспносшъ, важнѣйшія для общесшва человѣческаго добродѣтели и познаваемыя шакже въ исполненіи даннаго *слова*, кошорое для чеспнаго человѣка есшъ *законъ и клятва* — *Слово законъ, держись за него, какъ за ко.ѣ*. Сшоль дорожили Рускіе своимъ обѣщаніемъ, что сказанное почитали какъ бы сдѣланнымъ и для сего совѣщывали напередъ обдумывашъ — *крѣпиться*, или говоря ихъ же рѣчами: *До слова (не давши слова) крѣпись, а давши слово, держись*. Твердосшъ духа и посщоянсшво служащъ основаніемъ чеспносши въ словѣ и дѣлѣ, шакъ равно и про-

чимъ добродѣтелямъ, кои не могутъ обойтись безъ епой опоры. Съ ними соединена умеренность въ справахъ, кошорая руководствуетъ къ благоразумному употребленію благъ жизни и къ великодушному перенесенію бѣдъсвѣй, неизбежныхъ въ земной юдоли испытаній. Истинный умъ посматривается пословицей въ добръ и въ умѣнь терпѣшь: *Кто уменъ, тотъ умѣетъ и безвременье терпѣть*, а *Кто собою не управитъ, тотъ и другаго на разумъ не наставитъ*, ш. е. кто собою не умѣетъ управлять, тотъ не можетъ содѣйствовать ни своему, ни другихъ спасенію, кошорое создается умомъ здравымъ и сердцемъ чистымъ сколько, сколько дозволишь. Провидѣніе для цѣлей здѣшней жизни.

Разсматривая въ разныхъ отношеніяхъ нравственныя пословицы Рускаго народа, болѣе замѣчаемъ въ нихъ направленія къ Вѣрѣ, кошорая замѣняется у него Философію; ибо онъ все добро и истину полагаетъ въ Богѣ; что видно изъ многихъ его посло-

вицъ. Немногія изключенія и частныя случаи, выраженные пословицами, не опровергають общихъ основаній Нравственности въ духѣ Хрістіанскомъ, которая если укрѣпится и распространится въ народъ просвѣщеніемъ, соразмѣрнымъ съ его нуждами и отношеніями: то гдѣмъ самымъ болѣе возвысится самородныя его добродѣтели и счастливыя дарованія, ослабятся дурныя его свойства вмѣстѣ съ испребленіемъ вредныхъ предразсудковъ и заблужденій — и Рускіе съ Православною Вѣрою подѣ ошеческимъ Правленіемъ вѣрнѣе исполняютъ великое свое предопредѣленіе въ мірѣ гдѣми великими средствами, и вышними и внутренними, какими надѣлило ихъ Провидѣніе.

К о н е ц ъ П ѣ К н и ж к и .

Замѣчанія Гна Арцыбышева на 1 часть сей книги.

- стр. 41 „и производа“, послѣдующее безъ предъ-
идущаго: вѣрно опечашка, вмѣсто и про-
изводитъ, или И пушъ лишнее.
- стр. 51. „Связи съ Германіей посредствомъ Ган-
зейскаго союза съ XIV вѣка“; не съ XII ли?
См. Исслѣдованія Лерберга (СПБ. 1819 г.)
стр. 220 и договоръ Мстислава въ Собр.
грам. и догов. II. N. 1.
- стр. 53. „Зубъ за зубъ“, кажется мнѣ, шо, что
у охотниковъ зѣеъ еъ зѣеъ, ш. е. ког-
да собаки, бросаъ одна на другую, смыка-
ющъ рыло съ рыломъ и заѣввающъ взаим-
но зубъ за зубъ.
- стр. 54. . . . „не вышащущъ“, по моему, не
достанутъ; „прошагивай“, по моему, тани.
стр. 81. Подобный подобнаго любить“, а бы
перевелъ вошъ какъ: *Кожа кожъ сноро-
витъ.*
- стр. 83. „Трудно прошивъ рожна праши“, зна-
читъ по моему: *Плетью обуха не пере-
колотишь.*
- стр. 84 „Въ Царствѣ слѣпыхъ кривой Царь“
или *У слѣпыхъ и кривой — Король.*
- стр. 95. „Худой“ . . . „брани“; создашь гово-
ряшъ еще: *Худая столка лучше добраго
похода.*
- стр. 96. „Всякъ своему враву работаешъ“; по
Русски: *Всякъ молодецъ на свой образецъ.*
- стр. 98. Къ „на совѣтъ“ . . . „погоди“, при-
совокупилъ бы одинъ мой знакомый: *Вотъ
лма, стой прямо!*
*Видя лму не вались, не званъ на пиръ
не ходи.*

стр. 101. „Собаку съѣлъ“, значить у нихъ
очень искусенъ, или очень опытенъ въ чемъ
либо, или очень дерзокъ.

стр. 125. „Пропалъ какъ Шведъ подъ Полта-
вою“; Великороссіане говорятъ еще: *Онъ*
пропалъ какъ Шведъ безъ масла.

— „задашь кому баню“; у насъ говорятъ
еще *задать кому перцу*, ш. е. оскор-
бить, или наказашъ чувствительно.

стр. 142 „При истребленіи послѣдняго Княже-
скаго удѣла В. К. Іоанномъ III“, несправе-
дливо: ибо послѣдній Княжескій удѣлъ, ш.
е. Рязанскій, *истребилъ* Великій Князь
Василій IV Іоанновичъ въ 1516 (Індикціон-
номъ) году зимою, см. Арханг. Лѣт. стр. 490.

стр. 144. „Конь о четырехъ“, пропущено по-
сѣлъ; вѣрно опечатка.

стр. 158. „Добрая голова сто головъ кормишь“,
противоположность: *въ добрую голову сто*
рукъ.

стр. 159. Къ „въ Москвѣ шолсто звоняшь“...
На брюхѣ-то шолкъ, а въ брюхѣ-то
шолкъ.

стр. 160. „Повадился кувшинъ... значить по моему:
Дурная страсть, или привычка навле-
четъ погибель.

стр. 161. „Говори на волка, говори и по волкѣ“,
ш. е. (по мнѣнію моему): *Не охуждай*
кого либо совершенно; но показывай и
добрыя его стороны.

стр. 163. „Троповъ“, вмѣсто *тропы* „посло-
вицъ“, вмѣсто *пословицу*, вѣрно опечатка.

Прибавленіе ко 2 части.

сшр. 73. Друзья, у Морлаковъ, соединенные симъ торжественнымъ обрядомъ, называюща *побратимы*, а подруги *посестримы*. Нынѣ дружба двухъ особъ одного пола не заключается съ такими обрадами, какъ то бывало въ древнія времена, когда еще невинность царшвовала на земли.

Подобныя союзы, существующіе у народовъ въ Италіи подъ именемъ *клятвенныхъ братьевъ* (*Frateli giurati*), кажутся, введены въ подражаніе дружескимъ союзамъ Морлаковъ и другихъ соплеменныхъ имъ народовъ. Различіе между сими *братьями* и *побратимами* состоитъ не въ одномъ недоставкѣ обрядовъ, но болѣе въ цѣли, къ которой весьма похвальна у Славянскихъ племенъ, а напротивъ того, въ Италіи вредна для общесства.

Въ сихъ союзахъ Морлаки обязываются помогать взаимно другъ другу во всѣхъ нуждахъ, во всѣхъ опасностяхъ, и мстить за оскорбленія, нанесенныя кому нибудь изъ друзей. Они строго свято соблюдаютъ сіи обязанности, что готовы жершвовать, и жершвуютъ на самомъ дѣлѣ жизнию за своего *побратима*. Сии жершвы дружесства весьма у нихъ нерѣдки, хотя о сихъ дѣлахъ друзьяхъ менѣе говорятъ, нежели о древнихъ Пиладахъ и Дамонахъ. Если какое либо несогласіе водворится между двумя *побратимами*: тогда все сосѣдство почищаетъ сіе за неслыханный соблазъ.

Соревн. просв. 1818; N 10.

Въ заключеніе сей части сочинитель обязаннымъ себя счисляетъ изъяснить искреннюю свою признательность за дославленіе ему благонамѣренныхъ замѣчаній и любопытныхъ дополненій, кои онъ не преминетъ воспользоваться, сколько позволитъ планъ и пространство сочиненія — слѣдующимъ особамъ :

Изъ *Рима* отъ С. Н. Шевырева.

Изъ *Рязани* отъ Д. Т. Воздвиженскаго.

Изъ *Нерехты* отъ М. Я. Діева.

Изъ *Брянска* отъ И. В. Вепрейскаго.

Изъ *Харькова* отъ Г. Ф. Квишки.

Изъ *Вильны* отъ Н. Н. Лобойки.

Изъ *С. Петербурга* отъ В. Г. Анастасевича.

П О П Р А В К И.

стр.	строка.	напечат.	читай.
37.	12.	взычан	звычай
54.	5.	обычан	обычай
58.	10.	начало новаго лѣта	новый годъ
73.	6.	братотвореніе	побратанство
Къ 96 стр. 9 прибавишь :			въ Москвѣ рынокъ.

на 100 — къ прим. о, прибав. βαλλω,
кидаю, полагаю, лью,

Ладуга.